

ХРОМЫЕ БОГИ

Александр Воропаев

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Воропаев

Хромые боги

«Автор»

2023

Воропаев А.

Хромые боги / А. Воропаев — «Автор», 2023

Мистический детектив, связывающий в одну историю викторианскую Англию, Советский Союз времен Никиты Хрущева и нашествие монгольской армады в Японию. Строгая наука и недопустимая магия ведут борьбу за будущий облик нашего мира в череде событий и мест. Безупречный джентльмен Оскар создан в глубине веков, чтобы выполнить миссию по сохранению Будущего рациональным. Он появляется там, где пробиваются ростки чудесного и необъяснимого, и пресекает угрозу. Оскар гасит людские таланты, ломает судьбы, порою отнимает жизни. Он не чудовище, но на кону стоит слишком много. Тем более, что Вселенная не против его вмешательства. Она не отвечает. До поры, до времени...

© Воропаев А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1 глава.	6
2 глава.	24
3 глава.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Воропаев

Хромые боги

*«Есть только два способа прожить жизнь.
Первый – будто чудес не существует.
Второй – словно кругом лишь одни чудеса»
Альберт Эйнштейн.*

1 глава. Англия. Графство Восточный Суссекс.

Кто может сказать, не кривя душой, и не интересничая перед публикой, что с ним случались чудесные вещи? Нет, определенно, настоящего волшебства, которого многие из нас все же подспудно ожидают, в нашей жизни не встретишь. Так, пожалуй, и проведешь весь отведенный тебе путь от отрочества (младенчество и детство с их неясными воспоминаниями оставим в покое) до места последнего упокоения, зевая на утреннем богослужении в местной церкви, склонившись над скучными колонками цифр финансового отчета в пыльной конторе, или совершая другие столь же необходимые, сколь и бесполезные для нашей души деяния.

Но иногда, на мгновение, нам бывает суждено увидеть краем глаза, или почувствовать, как что-то странное, неподдающееся точному определению и не имеющее право на существование, происходит чуть в стороне от нашего непреклонного движения по жизни. Это действие, призрачное и едва уловимое, тут же прекращается, как только мы уделяем ему наше внимание. Под пристальным взглядом здорового, солидного человека оно испаряется или превращается в логическую обыденность. Фью! И все...

А ведь мы были готовы к чуду. Ждали его. Ждали нарушения непреложных законов естества. Окончательно подтвержденного нашими собственными глазами и бесповоротно меняющего всю нашу жизнь. Вот уже и волоски на руке поднялись и мурашки по спине... Показалось.

Или все же что-то было?

История эта начинается в конце девятнадцатого века.

Пансионат с вычурным названием «Belle Montpensier» находился на первой линии модного курорта в небольшом прибрежном городке на юге Суссекса. Из столовой, располагающейся на втором этаже, через огромный эркер, по французской моде застекленный от пола до потолка, открывался прекрасный вид на пляж, на прогуливающиеся по берегу фигурки людей, сверкающее нежным серебром море и снующих над ним чаек.

По случаю завтрака в помещении присутствовало довольно много людей. В зале царил непринужденная обстановка; у всех постояльцев было приподнятое настроение, слышались оживленные разговоры – день, несомненно, обещал быть чудесным.

За одним из столиков сидела мужская компания. Это были два джентльмена средних лет. Они были схоже одеты – их костюмы определенно указывали, что мужчины принадлежат к счастливому сословию, необременённому постоянными заботами о хлебе насущном. А значит, вполне имеют возможность интересоваться вещами отвлеченными, удовлетворяющими эстетические потребности...

Насколько родственно выглядели их пиджаки меринсовой шерсти, настолько же отличались компаньоны внешне. Один из них был человек высокий, с продолговатым мужественным лицом, с прямой спиной, большими кистями рук и крепкими пальцами. Весь сдержанный облик его и твердая осанка указывали, что в прошлом он – человек военный и, скорее всего, проходил службу в королевской кавалерии.

Второй – был ростом чуть ниже среднего, склонен к полноте и сидел за столом непринужденно, положив ногу на ногу. Человек этот выказывал нрав веселый и энергичный. Когда он говорил, на его круглом лице двумя черными дужками двигались брови. Глаза искрились удовольствием. Их хозяин откровенно наслаждался предложенным завтраком, общением с сотрапезником и солнечным утром за окном.

– Нет, мой милый Ганнинг, – говорил весельчак. – Что ни говори, а вы были совершенно правы, когда настояли на своем и вытащили меня из нашего сумрачного Лондона. Без сомнения, человеку иногда необходимо провести несколько деньков в праздности. В наше стремительное время, когда событий так много, что это мешает сосредоточиться, нужно дать нашему труdiaге-мозгу возможность отдохнуть. И конечно лучше всего безделью предаваться на лоне природы.

– Я рад, дорогой Кельвин, что угодил вам, – отвечал высокий джентльмен. – Несмотря на ваш острый ум, мой друг, о котором все так наслышаны, на ваше еще более удивительное чутье, порою у меня создается впечатление, что вы отстаеете от бега времени и в некоторых вопросах живете старыми представлениями. Все из-за того, что вы неисправимый мистик... А между тем, все блага чудесной британской цивилизации в нашем распоряжении. Всего несколько часов по железной дороге и мы здесь – в этой милой, сельской глуши. А сколько было разговоров...

– Да, но на станции вы предпочли нанять двуколку, – живо заметил его собеседник, намазывая масло на очередную булочку бриошь. – А от услуг авто вежливо уклонились.

– Увы, Кельвин, наши сельские дороги пока плохо приспособлены для самодвижущихся экипажей. Пыль. Я беспокоился за сохранность нашего платья. А потом: теперь нам некуда спешить. Прогулка в коляске от станции по холмам и старым деревушкам вышла чудесной.

– Не могу с вами не согласиться... Кстати, должен заметить, что за нами уже с четверть часа наблюдает вот тот молодой человек за дальним столиком, – лицо весельчака вдруг накрыла тень тревоги. Как будто предчувствие смутной беды отразилось в нем... Но это продолжалось лишь мгновение. – Как вы думаете, Джон, кто он, и почему мы вызываем его любопытство?

– Ваш мозг категорически не может находиться в бездействии, мой друг. В этом проявляется ваша натура, – улыбнулся высокий джентльмен. – Вы опять желаете сыграть в эту вашу излюбленную игру. Извольте: я и уже и сам заприметил его плохо замаскированные взгляды и составил о молодом человеке свое представление.

– Замечательно! Итак, кто же он?

– Ну что ж... Без всякого сомнения, молодой человек не располагает надежной рентой и не может рассчитывать на сколь либо значительное наследство в ближайшем будущем. Посему он вынужден сам зарабатывать на свой хлеб. Об этом говорит и его скромное платье и эти определенно недорогие запонки на манжетах. Я не могу отсюда разглядеть насколько заносена его сорочка, не вызвав его беспокойства, но думаю что отдых в этом пансионате ему явно не по средствам. Смею предположить, что он принадлежит к многочисленной армии младших клерков. Вы же не будете требовать от меня, чтобы я указал его точную профессию. Он может работать, как помощником маклера, так и портить глаза, переписывая документы в нотариальной конторе.

– Замечательно... А почему же он интересуется нами?

– Это значительно проще, мой друг. И интересуется он не нами, а лишь исключительно вашей персоной. Вы забыли, что после того громкого дела в Мерилибон, где вы разоблачили дочь лорда N, виртуозно доказав, что именно она выкрала секретные материалы военно-морского министерства и отравила свою мачеху, как нежелательную свидетельницу, коей она, к слову сказать, вовсе не была... Так вот, после этого расследования вы стали известной особой. Вашу фотографию тогда поместила Таймс, хотя вы и противились этому. Несомненно, молодой человек скрашивает свои скучные вечера чтением детективов и уголовной хроники. Как и многие в наше время, смею заметить. Это становится повальным увлечением. Просто бедствием...

Отставной офицер вернул на стол опустевшую кофейную чашку.

– Я вижу, мой дорогой Ганнинг, что вы изрядно преуспели в этом вашем методе, как вы называете его... дедукции, – сказал одобрительно Кельвин. – Могу только сообщить вам,

чтобы не потерять былого авторитета в ваших глазах, что не далее, как сегодня у нас состоится разговор с этим юношей и определенно по его инициативе. – Он живо наклонился вперед, оперся руками на полные колени и заглянул снизу вверх в глаза товарища. – А еще я могу сообщить вам, о чем вы сейчас думаете!

– Вот как? Это... слишком.

– Вы, мой друг, страстно желаете приложиться к вашей бельгийской трубочке. И попускать в этот замечательный сельский воздух клубы дыма. Иначе, зачем же вы уже в который раз неосознанно трогаете рукой правый карман вашего пиджака, где, я знаю, она и обитает. Заметьте, я говорю не о руке, а о трубке...

Его приятель попытался сдержаться, но это ему не удалось – он весело рассмеялся:

– Ага, все-таки наблюдение, модусы и умозаключения! А я-то думал, что вы опять исполняете некий потусторонний обряд.

Променада вдоль берега был устроен очень удобно. Там, где плотный песок сменялся крупной галькой или стояли лужи соленой воды, были положены деревянные настилы. Посему, можно было дышать морским воздухом, не боясь испортить обуви. Ганнинг наслаждался уже второй трубкой. Хотя его приятель Уолтер Кельвин и не был подвержен этой привычке – пусканию дыма изо рта, он с удовольствием принюхивался к аромату табака своего приятеля. Он вообще отличался несомненным жизнелюбием и все явления земных благ поддерживали в нем это свойство характера. Это только сегодня тень какого-то беспокойства время от времени набегала на его глаза.

На берегу было уже довольно многолюдно. Два ослика, удрученные своей судьбой, катали розовощеких детей, в то время как няньки вынужденно бегали за ними вдогонку. Дамы с зонтиками о чем-то переговаривались у входа в домик женской купальни. Пожилой джентльмен, сидя в брюках прямо на песке, развернув в руках газету, исподтишка рассматривал их. Носились неугомонные мальчишки. Где-то играла шарманка. Люди шумно толпились у балаганчика, где шло кукольное представление.

Впереди на пути компаньонов лежал пирс, выкрашенный в белую и синюю краску, с той стороны бухты виднелись мачты прогулочных яхт. На мачтах и между снастями шевелились флажки веселых цветов. От пристани отчаливал рейсовый пароход, направляющийся в Брайтон.

Но не это интересовало Уолтера Кельвина. Его манили зонтики летней кофейни. Она находилась здесь же, у пирса, и казалась такой доступной. Разве не стоило заскочить туда и прогнать, наконец, это неясное томление в груди? Вопрос заключался лишь в том, как изобрести достойную причину, чтобы посетить это чудное заведение. После завтрака прошло не более часа, и Уолтер боялся встретить осуждающий взгляд своего товарища.

– Хорошо, дедукция, цепочка причинно-следственных связей, улики, – сказал Кельвин, отводя глаза от вождельных зонтиков, манящих неизведанными еще десертами. – А как же вы будете...

– Еще, мой друг, химические реактивы, судебно-медицинская экспертиза и дактилоскопия – сиречь, научный подход, – добавил Ганнинг. Им навстречу двигалась молодая гувернантка, держащая за руку краснощекого сорванца в матроске; отставной офицер с удовольствием рассматривал хорошенькое личико боны: ее милый вздернутый носик, смешливые глазки и ямочки на щеках.

– Научный подход, – охотно согласился Уолтер. – А как вы установите с помощью вашей дедукции, хороший человек перед вами или дурной? Если произошло преступление (а я уверяю вас, оно уже произошло), кем является тот скромный юноша – бездушным соблазнителем или жертвой интриги? Искателем правды или рабом тайных страстей? Разве дактилоскопия позволит установить вам это?

– Нет.

– То-то!

– Но в этом и нет необходимости! – воскликнул Ганнинг.

Красотка прошла, и он не смог противиться своему желанию, посмотреть ей в след. Ему доставило большое удовольствие, когда девушка, отойдя на несколько шагов, как бы невзначай обернулась и под восхищенным взглядом офицера на ее губах расцвела застенчивая улыбка. Отставному капитану пришлось приложить изрядное усилие, чтобы вновь поймать нить своих рассуждений и вернуться к разговору:

– Никакой необходимости... Научный подход позволяет слуге правопорядка добыть доказательства участия или неучастия подозреваемой персоны в интересующем нас деянии. Отпечатки пальцев на оружии преступления, пятна крови, установление времени произошедшей трагедии отмечают как ненужные прочие малозначащие сантименты. Сбор фактов – методичный, согласно научно выверенному протоколу, опрос свидетелей, составление списка всех причастных к делу, – и вам нет нужды входить в такие излишне тонкие материи.

– Так вы, пожалуй, отправите на виселицу не один десяток невинных жертв, случайно оказавшихся поблизости от места преступления, – проворчал его товарищ.

– Хм... а что же вы предлагаете?

– Использование интуиции! Знание человека, пристальный интерес к его словам, интонациям. Внимание к малейшим движениям его души, непреложно отражающихся на лице.

– Хм... так и знал. Физиогномика!

– Дело не только в этом, неуклонная приверженность добру и истине...

– Мой друг, – с жаром воскликнул Джон Ганнинг. – Но не все служители закона являются такими безупречными приверженцами добродетели, как вы, не все они рыцари!

– А должны быть... – Кельвин был смущен лестной оценкой своей персоны и несколько стусевался. Теперь и вовсе было невозможно признаться, что последнюю четверть часа он обдумывает, как же достичь желаемой цели – отведать этих маленьких хрустящих корзиночек, так щедро начиненных сладким взбитым кремом.

– Где же мы найдем такое количество безупречных рыцарей, – мягко сказал капитан. – На это нельзя полагаться. Рассчитывать можно только на систему. Безупречную полицейскую машину установления истины. Воспользоваться которой сможет вполне заурядный, но добросовестный человек. Вот за это я и ратую.

Тем временем они уже подошли к пирсу. До них доносился соблазнительный запах свежесваренного кофе и мелодичный звон ложечек о фарфор. Кельвин перевел взгляд на совершенные формы яхты у причала. Он почти страдал.

– Мой друг, прошу вас, давайте зайдём в кафе, – вдруг сам предложил капитан Ганнинг. – Я знаю, что завтрак был совсем недавно, и мы приехали сюда специально для того, чтобы совершать длительные прогулки, но в этом заведении я вижу господина, с которым мне очень хотелось бы познакомиться.

– Кто же это? – заинтересовался Кельвин. Он был счастлив, что ему во исполнение дружеского долга придется вкушать запретные плоды.

– Сэр Герберт Уэллс. Писатель. Автор удивительного романа «Машина времени».

– Что-то такое я краем уха слышал. Если вам угодно... – конечно, ради дружбы он должен был согласиться.

Но, увы, скромной мечте не суждено было исполниться. Когда друзья поднимались по ступенькам на пирс, и улыбка предвкушения уже тронула полные губы Кельвина, упомянутый господин – сэр модный писатель и двое джентльменов, составляющие ему компанию, уже покидали кафе через выход, выполненный в виде ажурной деревянной арки. Цель, бывшая так близко, ускользала из рук... Как истинный англичанин, как верный товарищ, Кельвин должен был пожертвовать своим счастьем.

– Сэр Уэллс?! – воскликнул он, поднимая котелок над крупной головой.

– С кем имею честь... – господин писатель остановился и взглянул на улыбающуюся физиономию Кельвина, его дружелюбно поднявшиеся брови, и на хранящего молчание Ганнинга. Не будучи представленным, капитан не мог переступить через неписанные законы викторианского общества.

– Уолтер Кельвин, к вашим услугам... – несмотря на преимущество своей профессии, предполагающей значительную коммуникабельность, сыщик (а наш герой, конечно же, был именно им) тоже немного замешкался, подыскивая необходимые слова для начала разговора. Хорошо, что ему на помощь пришел один из спутников писателя.

– О! Какая честь, мистер Кельвин! – воскликнул молодой джентльмен в безупречном костюме. У него были правильные и приятные черты лица, умные карие глаза. Твердые губы смягчались аккуратными усиками. Его прическа была абсолютно (волосок к волоску) идеальной и в меру напомаженной. – Мы удосужились повстречать, господа, самого известного в Лондоне частного сыщика, грозу преступного мира, который славится тем, что по совершенно неясным признакам способен установить злоумышленника, зачастую за личиной ягненка. Помните, я вам рассказывал, мистер Ллойд, – обратился он к другому спутнику сэра Герберта Уэллса – джентльмену с несколько рассеянным взглядом, облаченному в прогулочный парусиновый костюм. Он был значительно старше всех присутствующих, его голова была полна седых волос.

– Благодарю вас за столь лестную оценку... – сказал Кельвин, вглядываясь в лицо молодого человека. – ...А это, позвольте представить, мой друг и компаньон мистер Джон Ганнинг. – Он положил руку товарищу на плечо. Отчего-то это ему сейчас потребовалось. – Капитан кавалерии Ее Величества, теперь уже в отставке. Почитатель вашего литературного таланта, мистер Уэллс.

– Очень признателен. Рад познакомиться, господа, – сказал модный писатель. – Меня давно интересовала ваша необычная профессия мистер Кельвин. В последнее время вокруг этой сферы нашей жизни столько сплетен, слухов, всяких небылиц. Она вызывает в обществе небывалый интерес. И, конечно, сотни амбициозных людей, способных соорудить связное повествование, в попытке поправить свое финансовое положение обратились к этой щедрой литературной ниве. Наконец я смогу из первых рук получить желаемый материал и составить на сей счет свое собственное мнение. А ваше имя, уважаемый мистер Ганнинг, мне знакомо.

– Вот как? – капитан бы приятно удивлен.

– Вы проходили в службу в Трансваале, не так ли? И участвовали в Бурской войне. Я слежу за новостями из этой колонии нашей короны и встречал ваше имя в прессе. Вы проливали кровь за правое дело, капитан Ганнинг. За правое дело! Рабство отвратительно. В коей-то веки наши красные мундиры сражаются на стороне добра. Это вдохновляет. Я верю, что очень скоро негры в Трансваале и Оранжевой республике станут свободными. А уитлендеры* получают все причитающиеся им права...

– А британская корона – золотые шахты упрямых буров*, – негромко добавил молодой человек с безупречной головой. (*Уитлендер* – чужеземец (африк.) Белое население южноафриканских республик, лишённое избирательных прав и обложенное высокими налогами. Главным образом – англичане и американцы. Их бедственное положение послужило поводом для оправдания рейда британских войск*)(*бур* – африканеры, потомки голландских, французских и немецких переселенцев*)

– Милостивые господа, мы направлялись сейчас на яхту «Леди Альда» – продолжил мистер Уэллс, несколько смущенный последней ремаркой. – Которую любезно предоставил почитатель моего скромной таланта, господин Ллойд (джентльмен с рассеянным взглядом коротко поклонился). Не пожертвуете ли вы своим временем и не составите ли вы нам компа-

нию? Мы собираемся на морскую прогулку, и было бы славно провести ее в таком приятном обществе.

– Охотно, – кивнул головой Ганнинг. – Мы здесь на отдыхе, всего лишь второй день, и полностью располагаем своим временем. Мы с удовольствием воспользуемся вашим щедрым предложением.

– Отлично!

Компания из пятерых мужчин прошла по пирсу к сходням, где покачивалась на волнах грациозная двухмачтовая бригантина. Настроение у друзей было чудесное. Кельвин даже почти не сожалел о том, что оставляет за спиной зонтики кафе. Это было несложно: он пообещал себе (и им), что доберется сюда в следующий раз.

У сходней, выкрашенных в белую краску, стояли двое усатых матросов в светлой полотняной форме. Свежий ветер поднимал полосатые гюйсы на их широких плечах. Гостей пригласили вперед. Матрос с бакенбардами протянул Кельвину крепкую руку, помогая подняться по качающемуся трапу.

– Милостивый господин! Господин Уолтер Кельвин! – к яхте спешил давешний молодой человек, который, не зная того, являлся в столовой пансионата объектом умственных упражнений двух лондонцев. Лицо его выражало отчаяние. Было очевидно, что он находится в крайне затруднительном положении: воспитание не позволяло ему беспардонно пробраться сквозь группу незнакомых джентльменов, но и упустить господина сыщика он тоже себе позволить не мог.

– Что вам угодно, молодой человек, от моего друга? – спросил Ганнинг, положив руку на его предплечье. Чрезвычайно встревоженный вид юноши позволил ему это сделать.

Молодой человек посмотрел на Кельвина, который был уже на палубе, – детектив, придерживая шляпу, с любопытством рассматривал мачты и паруса над своей головой, – затем юноша перевел взгляд на Ганнинга и на его спутников. Все с немалым интересом ждали его ответа.

– Простите меня, господа! – в отчаянии сказал визитер. – Не хочу выглядеть в ваших глазах дикарем. Я не имел чести быть представленным ни вам, ни мистеру Кельвину, но у меня к нему безотлагательное дело. Только он с его удивительной интуицией сможет помочь мне.

– У вас что-то случилось, мистер ...? – участливо спросил господин Уэллс.

– ...Меня зовут Ричард Уошек. Это касается жизни и благополучия дорого для меня человека. Одной чудесной девушки, с которой я был обручен. Произошло несчастье, целая череда странных событий, и только уникальный гений мистера Кельвина может разрешить это запутанное дело.

– Дела сердечные... – произнес господин, представленный, как владелец яхты.

– Почему бы вам, дорогой мистер Ллойд, – сказал его спутник, блестящий джентльмен, позволивший себе давеча то неприятное замечание о золоте буров, – не пригласить и этого джентльмена на свою бригантину. Мне кажется, он в крайне затруднительном положении, и ему следует помочь. Прогулка по морю ему точно не повредит – посмотрите, какой у него нездоровый цвет лица. Несмотря на его очевидную молодость. Кажется, он плохо спал прошлой ночью...

– Совсем не спал, милостивый государь.

– Ну, что ж... – легко согласился мистер Ллойд. – Меня не следует уговаривать. Мы – цивилизованные люди и должны помогать друг другу. Прошу вас, мистер Уошек.

Яхта шла вдоль линии берега на расстоянии морской мили. Свежий ветер позволил поднять все ее паруса, и пассажиры «Леди Альды» могли насладиться морской прогулкой сполна. Бригантина врезалась носом в пенные барашки волн, поднимая в воздух сонмы искрящихся на солнце капель.

Через четверть часа стюард пригласил пассажиров на корму освежиться напитками. Мужчины удобно разместились в плетеных креслах за овальным столом, им подали испанский херес и мороженое. Над головами гостей при смене галса негромко хлопал косой парус. Лишь молодой спутник хозяина яхты, который представился просто по имени – как мистер Оскар, предпочел расположиться у широкого фальшборта. Ричард Уошек немного успокоился и приободрился, но лакомство в его розетке оставалось почти нетронутым. По всей видимости, он дожидался, когда ему будет позволено говорить. Но джентльмены вели беседу о другом.

Темой разговора было творчество господина Уэллса, в частности – его роман «Машина времени», недавно напечатанный и уже имевший большой успех. Хотя Уолтер Кельвин никогда не читал сочинений Герберта Уэллса, и вообще мало интересовался беллетристикой, по блеску в глазах, по движениям черных бровей было очевидно, что и ему интересно следить за беседой. Что касается его товарища Джона Ганнинга – здесь говорить не приходится: он, казалось, знал о творчестве мистера Уэллса ничуть не меньше самого господина писателя.

– Я хотел узнать, как вам в голову пришла такая замечательная идея, господин Уэллс, описать устройство, способное перемещать человека во времени, говорил Джон с жаром. – Ведь это крайне необычная мысль. Конечно, я знаю, что она посетила вас не теперь. Несколько лет назад вы описали такую машину в своем рассказе «Аргонавты времени»...

– Да, изрядно времени прошло... – с удовольствием сказал господин писатель. – Тогда я только пробовал перо. Был, пожалуй, вашего возраста. – Обратился он к Уошеку.

– Смею предположить, что наш друг не верит в возможность создания такой машины, – сказал седовласый хозяин яхты. – Полагаю, он использовал этот прием, чтобы позабавить нас и подспудно выразить свои социалистические взгляды на будущее. Вы ведь состоите, дорогой Герберт, в фабианском обществе...

– Еще нет. Но, по совести говоря, почел бы за честь.

– Теперь, когда вас посетила слава, думаю, они вас с удовольствием пригласят. Ну, вот... Да, наш век – это век механизмов. Мы стоим на пороге удивительных изобретений. Все теперь верят в прогресс, в машины. Верят в то, что они перевернут мир, исправят кровожадную человеческую натуру, просветят его и облагородят. Искоренят предрассудки и невежество. Хочется на это надеяться... Но думаю, что создать такой механизм, – способный перемещать человека по стреле времени, – невозможно. Но я лишь замшелый образчик человека уходящей эпохи. Давайте спросим нашего гостя из Северо-Американских Штатов. Мистера Оскара. Он человек весьма образованный, несмотря на свой юный возраст, и необычайно прямодушный. Вот за это я его и ценю: он всегда говорит без обиняков, не взирая на лица и обстоятельства, видимо так принято за океаном. Нам стоит перенять эту полезную манеру. Так что вы думаете, дорогой Оскар, на этот счет, вы согласны с тем, что машина времени – это лишь игра разума?

– Устройство такое создать возможно. Определенно. Без всякого сомнения, – произнес американец.

– Вот как?! – воскликнули одновременно Ганнинг, Кельвин и хозяин яхты мистер Ллойд.

– Уверяю вас... – мистер Оскар сложил руки на груди и утвердительно кивнул головой. Его открытое и благожелательное лицо как бы говорило: «Мне не очень хотелось посвящать вас в это, но раз уж вы спросили, извольте – вот вам вся правда, как она есть».

На несколько минут на корме воцарилась полная тишина. Все пытались осознать, что могут означать эти слова. Первым заговорил мистер Ллойд.

– Это поразительно... Но я не могу не верить в математический ум моего молодого друга, как не могу не верить в его глубокую честность. Судите сами: я познакомился с мистером Оскаром всего полгода назад и за это время благодаря его прозорливости смог устроить свое состояние. А оно и раньше было изрядным...

Писатель, представленный почти что социалистом, негромко крикнул в ладонь. Его лучистые глаза выражали неловкость за говорившего. Но хозяин яхты этого не замечал.

– У него инженерное и финансовое чутье! – продолжал миллионер. – И вера в науку. Оскар безошибочно находит проекты, которые оборачиваются успехом и приносят баснословные барыши. По своей доброте указывает на них мне. Он выискивает людей (порою весьма странных личностей), в которых щедро вкладывает средства. И все, что мне остается, это верить в его удачу. – Мистер Ллойд поднял в воздух бокал с янтарным напитком, приветствуя своего друга. Все присутствующие, не исключая и нетерпеливо ожидающего своей очереди Ричарда Уошека, присоединились к хозяину яхты.

– Вот так, господа. Так незаслуженно я преумножил свое состояние. Признаюсь. Честно и искренне. Следуя советам моего американского друга. Хочется верить, что вас мне послали небеса, Оскар. Или лучше, как в древнеанглийском – Осгар, что означает – божье копье! За вас, дорогой друг!

Все выпили за предложенный тост.

– ... Хотя, должен признаться, я все жду, когда моего друга подведет его чутье. Не может же везенье длиться вечно. Возьмем, например, этого странного эмигранта – серба из Австро-Венгерской империи, как его... Никола Тесло. Думаю здесь мои вложения прогорят... Но как бы там ни было, до сих пор вы не разу не ошиблись.

– Удобный талант. Вы пользуетесь какими-то расчетами или подсказками потусторонних сил? Может быть, разговариваете с призраками? – в шутку предположил Джон Ганнинг.

– Привидений не существует, – с вежливой серьезностью сообщил американец.

– Вы меня вдохновляете, мистер Оскар! – заявил мистер Герберт Уэллс.

– Возвращаясь к пресловутой машине времени: ... а как же быть с парадоксами? – спросил Кельвин. Он уже разделался с предложенным ему мороженым и рассеяно постукивал ложечкой о пустую розетку. На его переносице образовались две задумчивые складочки.

– Вы правы, – американский друг мистера Ллойда внимательно посмотрел на детектива. – Вы удивительно правы. Хотя я и не понимаю, как вы можете это знать.

– Так... ощущение, м-м... не складывающейся картинки, – Кельвин помахал ложечкой в воздухе. – Несоответствие, нарушение... внутренняя противоречивость. Трудноуловимое чувство, но очень определенное.

– Этим славится мой товарищ, – с гордостью сказал Джон Ганнинг.

– Поэтому я здесь... – вставил слово Ричард Уошек.

– Да, теперь я вижу, – непонятно сказал мистер Оскар. – Вижу, что я попал в верное место.

– Так что там с парадоксами? – спросил владелец яхты мистер Ллойд.

– Механизм создать можно, – повторил американец, – но человек не сможет им воспользоваться. И причиной тому являются упомянутые парадоксы. Самый очевидный пример: если путешественник во времени отправится в прошлое и убьет своего родного дедушку, то он сам не сможет родиться.

Все задумались. На лицах всех присутствующих, за исключением мистера Уолтера Кельвина, отразилась напряженная работа мысли.

– Хм..

– Это..

– А значит, не сможет убить своего дедушку, – произнес сыщик.

– Вот именно... – сказал мистер Оскар.

– Что-то я... а как же тогда...

– Здесь парадокс – это причинно-следственная петля, состоящая из последовательных событий, являющихся взаимной причиной существования друг друга и отменяющих предыдущее действие. Таким образом, исключая сам факт своего существования.

– Вот поэтому по стреле времени не могут путешествовать люди, – уверенно сказал сыщик. Американец согласно наклонил голову.

– Как насчет марсиан? – спросил Герберт Уэллс.

– Марсиан не существует, – сообщил очень уверенным тоном Оскар.

– Мистер Оскар! – воскликнул писатель, рассмеявшись и воздевая в воздух обе руки. – Да, оставьте нам хоть что-то! Вы компрометируете главную фабулу моего нового романа о войне двух миров.

– Не имеет значения, – безжалостно продолжил друг мистера Ллойда. – Марсиане, ураниане, сатуряне, жители далеких звезд – все они находятся в этом пространственно-временном континууме и не могут двигаться быстрее или медленнее одного из его измерений – времени. Для этого нужно не принадлежать этой вариации. Находиться в стороне. Вот вы, господин писатель, предпочитаете писать о людях: о людях будущего, о людях, восстающих против марсиан, но почему бы не написать о тех, кто не зависит от времени – тех, кто устанавливает для локальных существ вечные нарративы – условно говоря, о богах?

– Это очень просто, мистер Оскар, – без раздумий отвечал Герберт Уэллс. – Если бы мне пришла в голову такая идея, то это вновь вышла бы история о людях.

– Почему же?

– Потому, что боги пошлы в своем статичном совершенстве. Смертельная скука выдумывать, какие мысли шевелятся в их чугунных головах. Описать их деяния для меня возможно было бы только глазами человека. Комплексующего, шарахающегося от крайности к крайности... ну вы сами знаете, каковы мы. Только и исключительно через личную историю человека. Что, собственно, и делали все древние.

– А историю о полубогах? – спросил Оскар, твердым ртом.

– ... Тем более, – отмахнулся писатель.

Господин детектив очень внимательно следил за этим диалогом – практически перебранкой. Пару раз он чуть не вскочил с места от остроты соучастия. На последних словах господина Уэллса он сожалением взглянул на американца.

– Как он вас, дорогой друг Оскар, – сказал мистер Ллойд. – Что скажите?

– Думаю, что мы жестокосердные люди, – сказал американец, покойно сложив руки. – Мы ведем отвлеченный разговор на философские, безжизненные темы, а рядом с нами человек, который пришел с настоящим делом. С душевной драмой. А что может быть важнее этого?

– Вы, несомненно, правы, Оскар! – воскликнул мистер Ллойд. – Ну, мистер Уошек, полагаю, вам не терпится завладеть вниманием господина Кельвина. Думаю, что вы желали бы сделать это в приватной обстановке, *tete-a-tete** (*ссылка – с глазу на глаз (фр.)*) Мы, конечно, оставим вас наедине.

– Спасибо, господа, – сказал юноша. – Но теперь я узнал, что здесь также находится друг господина Кельвина – мистер Джон Ганнинг. Я слышан о вас, как о прекрасном логике и приверженце научного метода в криминалистике. Я бы был вам благодарен, если бы и вы уделите мне свое время. И вас, господа, я также попрошу остаться. Я вам так признателен... Вы все так высокообразованны и умны... – мистер Уошек говорил взволновано и от того несколько путанно. – Я право ошеломлен вашими учеными разговорами, может быть вы с легкостью смогли бы разрешить мои сомнения... и потом: мне нечего скрывать, и это было бы напрасным трудом, скоро во всех газетах будет это дело. Только вот с чего начать...

– Начните с себя, – посоветовал Джон Ганнинг. – Кто вы и чем занимаетесь... – Они со своим другом обменялись только им понятными взглядами. Кельвин едва заметно улыбнулся.

– Спасибо, мистер Ганнинг. Вы конечно правы. Что ж... Я родился и вырос в Тробриндже в семье школьного учителя. Вы знаете, господа, мы никогда не чувствовали недостатка. В нашей семье еще есть дети: две моих младших сестры и брат. И я всегда за ними присматривал, а уже с десяти лет я должен был помогать в лавке зеленщика. Тем не менее я прилежно учился и отлично закончил школу. Отец совершил невозможное: он сумел найти мне хорошую протекцию. Для этого он специально ездил в Лондон, к своему старому приятелю. Мистер Гросс

выхлопотал мне место в солидном банке – «Боош и сыновья». Конечно, я начал с самых низов, с младших клерков, но уже через год мне доверили вести учет клиентских счетов.

– Поздравляю вас, – очень серьезным голосом сказал американский спутник владельца яхты. Он смотрел на юношу весьма благожелательно, поощряя его взглядом быть смелее.

– Спасибо... Это, действительно, был успех. Очень скоро я стал получать денежное вознаграждение, значительно превосходящее жалование моего отца. Конечно, я не забыл о моей семье в Трубридже, наконец-то у меня появилась возможность помочь им. И, несмотря на исполнение сыновьего долга, у меня образовались некоторые свободные деньги: нечего и говорить, что я стал обращать внимание на свое платье и позволять себе некоторые излишества. Я говорю о театре, господа. Там я и познакомился с моей Бетси. Это был чудесный случай, настоящий знак судьбы. Она случайно обронила бинокль мне на колени...

– Смеею предположить, – сказал капитан Ганнинг, посмотрев на своего друга, – вы не упустили шанса и познакомились с очаровательной незнакомкой. Завязалась дружба, которая скоро переросла в нечто большее. Не удивляйтесь: моя профессия делает меня в некоторой степени прорицателем. Ваша история очаровательна, но несколько избита. Как и должно быть в жизни. Дедукция подразумевает...

– Простите меня, господа. Не совсем так... Но это моя вина, я волнуюсь и рассказываю не по порядку. Дело в том, что Элизабет Монтгомери работала со мной в одном учреждении. Она была стенографисткой и личным помощником господина Бооша. Как вы понимаете, девушке требуются недюжинные способности, чтобы добиться такого положения... А девушке прехорошенькой это втрое сложнее. Мужчины не ожидают найти в красивой барышне достойного ума. Простите, господа.

– Ну, отчего же... – вы правы, – заметил господин писатель.

– Я всегда мечтал познакомиться с ней, – продолжил юноша. – С первой минуты, когда я увидел ее в приемной мистера Бооша, мое сердце принадлежало только мисс Монтгомери. Но кто я был? Я не смел даже приблизиться к ней, и вот чудесный случай свел нас. Мы стали встречаться. Это были лучшие дни моей жизни, господа, голова кружилась от счастья. Бетси была умна, нежна и красива, и при этих достоинствах она выбрала меня! А два месяца спустя, господа, мы обручились. Я хотел просить отпуска у мистера Бооша, чтобы посетить Трубридж и представить мою невесту родителям. Я уже известил их письмом. И вдруг происходит эта невероятная катастрофа – моя невеста исчезает, а в банке обнаруживается огромное хищение!

– Какое несчастье! – воскликнул мистер Ллойд.

– Весьма неожиданно, – согласился господин писатель.

– Вы уверены? – спросил мистер Кельвин. Произнес он это таким недоверчивым тоном, что это заставило Джона Ганнинга очень пристально посмотреть на своего друга. Он не мог припомнить, чтобы его старый товарищ выглядел таким обескураженным. У Кельвина словно выбили опору из под ног.

– Несомненно, – с горечью сказал молодой человек. – Из клиентских ячеек пропало несколько тысяч фунтов золотом и облигациями. Помимо того, что банку придется возместить этот урон, по его репутации был нанесен огромный удар. Можете не сомневаться, мистер Кельвин, меня вызывали в полицию. Ведь второй ключ от сейфовой двери был у меня. Я добровольно позволил обыскать мою квартиру.

– Я не об этом. Вы уверены, что ваша невеста пропала?

Теперь настала очередь Уошека удивляться. Он молча воззрился на знаменитого сыщика, не понимая, что может означать его вопрос. Так же пристально на него посмотрел и мистер Оскар, у него был такой пронзительный взгляд, словно он изучал сыщика под микроскопом.

На помощь Уошеку пришел Ганнинг.

– Дорогой Ричард, прошу вас подробно, ничего не упуская, рассказать суть дела. Только так мы сможем помочь вам. Итак: вы познакомились с хорошенькой мисс Монтгомери. Стали

вместе проводить время и вскоре обручились. Расскажите все о вашей невесте. Где она проживала, с кем, и при каких обстоятельствах вы узнали, что она пропала.

Мистер Уошек начал рассказывать. Вначале он спотыкался, перескакивал с одного на другое, но затем словно позабыл о своих невзгодах и погрузился в недалекое прошлое. Юноша откинулся в кресле, сложив пальцы домиком, речь его потекла свободнее.

Элизабет Монтгомери снимала квартиру значительно ближе к работе, чем это удалось ее жениху мистеру Уошеку. Дом находился в престижном квартале, рента была значительной для скромных доходов девушки, и потому она проживала там с близкой подругой.

В квартире у барышень были отдельные комнаты, а на двоих они делили прихожую и гостиную, которая служила для них и столовой. Звали подругу Клара Симпсон. Об этой подруге Уошек был наслышан, пожалуй, даже в большей степени, чем о прошлой жизни своей невесты. Бетси беспрестанно рассказывала о Кларе: о ее многочисленных достоинствах, о ее суждениях и взглядах на жизнь, о планах на будущее, и прочее и прочее. Порою Ричарду казалось, что их при встречах трое. Образ Клары Симпсон всегда незримо присутствовал. А говорят, что женской дружбы не существует.

Однажды Бетси пригласила мистера Уошека на чашечку чая. Конечно, молодой человек давно ждал этого вечера. Раньше он никогда не бывал в квартире своей невесты. Это событие знаменовало новый этап их отношений.

Когда Ричард в назначенный час появился на пороге квартиры, он обнаружил, что мисс Монтгомери отсутствует. Это было совершенно неожиданное происшествие. Как же Бетси могла забыть о назначенной встрече? Это нисколько на нее не было похоже. Мистер Уошек стал настойчиво расспрашивать горничную.

– Может быть, это вы что-то напутали? – довольно смело предположила служанка. – Мисс Монтгомери не такая особа, чтобы не держать своего слова. Она очень и очень пунктуальная и строгая барышня, сейчас видно, что из благородного дома. Никогда не грубит, всегда такая сдержанная и вежливая – даже и с обслугой. И очень собранная... в отличие от ее подруги – мисс Симпсон, которая никогда не встает вовремя к завтраку, приходит и уходит, не поймешь когда, и вообще не отличается организованностью. Зато с ней можно запросто обсудить все новости. А мисс Элизабет очень уж строго себя держит и не допускает, чтобы в ее присутствии перетирали кому-либо косточки...

Мистер Уошек не понимал, почему он должен все это выслушивать, да еще от квартирной служанки с ярким ирландским выговором.

На шум явилась мисс Симпсон. Действительно: соседка Бетси выглядела заспанной, была причесана кое-как и одета в домашний халат. Это было первое знакомство с подругой невесты, и оно произвело на Уошека неприятное впечатление. Ему мисс Симпсон показалась довольно развязной особой. Придерживая халат на груди одной рукой, что представилось Ричарду намеренным жестом, она без обиняков сообщила, что Бетси неожиданно отлучилась по какому-то срочному делу.

– А вы, должно быть, мистер Ричард Уошек. Теперь я понимаю свою подругу. Почему она в таком восторге от своего жениха и предстоящей свадьбы.

Ричард почувствовал себя неловко. В словах девушки слышалось неприкрытое кокетство. Это было неприятно. Он не знал, как себя вести в этой неловкой ситуации.

– Следует полагать, что вы мисс Симпсон. Я очень много слышал о вас от мисс Монтгомери. Очень приятно.

– Наверное, Бетси чесала на мой счет язычок.

– Совсем напротив. Я слышал от нее о вас только хорошее.

– Вот что значит настоящая подруга. Но иначе и быть не может, Бетси такая лапочка, она бы не позволила себе. Вы должны непременно дождаться ее. Она очень огорчится, что я позволила вам уйти, и я ее так понимаю... Еще бы, такой блестящий молодой человек, –

тут мисс Симпсон посмотрела на Ричарда почти восторженным взглядом. Мистер Уошек даже покраснел. – Задержитесь... А я вам торжественно обещаю, что как только Элизабет придет, я покину вас. Таких голубков... – мисс Симпсон томно вздохнула.

Мистер Уошек наотрез отказался. Ему совершенно не хотелось оставаться наедине в квартире с этой особой. А еще он почувствовал, что сердит на Бетси.

В расстроенных чувствах Ричард медленно шел по аллее в сторону Соултер-роуд, чтобы там сесть на омнибус. Молодой человек сумрачно глядел себе под ноги, не замечая щебета городских птах, набухших почек на деревьях и других признаков приближающейся весны. Выходной день был безнадежно испорчен. Уошек даже стал сомневаться в чувствах своей невесты. Как часто бывает среди влюбленных, в памяти вдруг всплыли все недомолвки, неудачно сказанные слова. Теперь ему стало казаться, что мисс Монтгомери никогда не испытывала к нему глубоких чувств и, соответственно, сегодняшнее происшествие совершенно неслучайно. Вдруг он услышал за спиной легкие, знакомые шаги. Это была Бетси, она почти бежала.

– Слава Богу, я не разминулась с тобой. Я так этого боялась!

– Бетси! – увидев возлюбленную, Ричард немедленно забыл все свои сомнения. Элизабет была так очаровательна и свежа, так элегантна в своем изящном коричневом платье. Движения ее были грациозны и естественны. Особенно на фоне вульгарной манерности ее подруги.

– Почему же ты не дождался меня?

– С этой мисс Симпсон! – Ричард заключил свою невесту в объятия.

– Что это значит?

– Я не мог там оставаться. Она так мне не понравилась! Я не могу этого объяснить. В ней есть что-то отталкивающее.

– Но почему, милый. Она чудесная девушка, уверяю тебя. И преданная подруга. Когда ты познакомишься с ней поближе, ты сможешь убедиться в этом. Обещай, что сможешь сойтись с ней поближе. Она моя подруга, и для меня это очень важно.

Мисс Монтгомери оглянулась – вокруг не было никого, и подставила для поцелуя свои алые приоткрытые губки. Это был первый настоящий поцелуй, который она ему подарила, и конечно Ричард позабыл обо всех неприятностях этого дня.

С той встречи прошло некоторое время, не очень значительное, и грянуло несчастье.

Тревогу подняла подруга Бетси – мисс Симпсон. Утром она обнаружила, что мисс Монтгомери не ночевала дома. Она вызвала горничную.

– Разве это впервые? – спросила служанка зевая.

– Конечно! Сколь мы ни разные с мисс Элизабет, но в одном мы с ней всегда сходимся – ночевать только дома. Да и где бы она могла остаться?! Ее родственники живут в Манчестере, а лондонские знакомые уехали на континент.

– Может она ушла пораньше на работу?

Позвали за квартирной хозяйкой – она жила на первом этаже и всегда знала, кто и когда из ее жильцов покидает дом. Но и хозяйка не видела мисс Монтгомери. Это было неслыханно.

– Может быть, возвращаясь вечером в этом ужасном тумане, мисс Элизабет упала в Темзу? – сделала она ужасное предположение.

Мисс Симпсон предпочла думать, что ничего непоправимого не случилось. Отправили мальчишку в банк.

Вскоре выяснилось, что мисс Монтгомери определенно исчезла, а в банке произошла кража. Без всякой грубой силы были вскрыты ячейки и пропали большие деньги. Полиция, несомненно, связала два этих факта. Был произведен обыск в комнате пропавшей сотрудницы, и служители закона задавали вопросы мистеру Уошеку. Как он уже говорил: Ричард был вынужден сам предложить обыскать его квартиру. От него потребовали предъявить ключ от сейфовой двери. К счастью он был на месте, но при детальном изучении было установлено, что на бороздках имеются следы воска. С него явно брали отпечаток! Та же история повто-

рилась и со вторым ключом, который хранился в кабинете управляющего – мистера Бооша. Мисс Монтгомери могла иметь к нему доступ. Конечно, для всех произошедшее было полной неожиданностью, но для мистера Уошека это было настоящим потрясением.

Нечего и говорить, что он впал в настоящую меланхолию. Гулками весенними вечерами он бродил по самым малолюдным улочкам, по туманным набережным, и нигде не находил умиротворения.

Однажды в своих длинных прогулках Ричард повстречался с мисс Симпсон. Девушка была одета в неброское платье и накидку от дождя. Волосы ее были аккуратно собраны под элегантной шляпкой. Лицо строго и печально. Уошек остановился, чтобы поприветствовать ее и перекинуться несколькими обязательными фразами. Совершенно естественно, что они пошли рядом.

Мисс Симпсон сказала, как ей не хватает ее подруги, поведала, как трудно, просто невозможно ей было поверить в виновность Бетси. Даже под тяжестью представленных улик. (В комнате мисс Монтгомери полицией было найдено расписание кораблей в Новый Свет с многочисленными отметками и расчетами).

– Ах! Какое же это несчастье – так разочаровываться в людях, служивших тебе идеалом, – голос девушки дрогнул.

Мистер Уошек вдруг увидел, как хороша мисс Клара, и как она в своей печали схожа с его пропавшей невестой. Только цвет лица мисс Симпсон был светел до чрезвычайности, как это бывает у людей рыжих от природы. Может быть, здесь шла речь об ирландской крови. Но в остальном... они выглядели, как родные сестры. Теперь Ричард понял, что они были подругами не случайно... Он стал утешать мисс Симпсон. Вышло так, что Ричард и Клара провели весь вечер вместе.

Вскоре их совместная прогулка повторилась. Затем еще раз, и вскоре прогулки стали регулярными. Кто из них искал этих встреч – неизвестно. Скорее всего, оба. Двух осиротевших людей тянуло друг к другу общее несчастье.

Неожиданно для себя Уошек обнаружил, что теперь не может прожить без Клары и дня. Когда мисс Симпсон с грустью сообщила, что намерена покинуть Лондон, Ричард пришел в ужас и неожиданно для себя сделал предложение. И Клара его не отвергла...

– Я понимаю, господа... после этой истории я должен выглядеть в ваших глазах странным субъектом. И вы должны спрашивать себя сейчас, чего же он в таком случае ждет от нас? – сказал Ричард Уошек, глядя в пол. Бокал с хересом в его руке по-прежнему оставался нетронутым.

– Напротив, – сказал капитан Ганнинг. – Это так понятно. Вы молоды. Живые тянутся к живым. Ваша бывшая невеста затмевала свою подругу. Часто бывает, что преступники люди яркие, неординарные. Теперь, когда пелена спала с ваших глаз, вы поняли, кто чего на самом деле стоит...

– Нет причин, мистер Уошек, записываться в отшельники и отказываться от удовольствий, которые дарит этот несовершенный мир, – сочувственно сказал господин писатель. – Вы имеете право искать счастья.

– Это еще не все, – сказал мистер Кельвин, чувствуя на себе взгляд молодого американского ученого. – Вы пришли не с тем, чтобы мы благословили вас. Ваше сердце чувствует, что у этой истории отсутствует внутренняя правда.

– Что же, вы правы, – с горечью сказал юноша, собираясь с силами. – Потерпите еще немного и не презирайте меня за то, что я сообщу вам. Я настоящий сын Англии и глубокий мистицизм нашей земли, ее древние предрассудки глубоко проникли в мою кровь... Дело шло к свадьбе. Уже были сделаны все необходимые приготовления. Но все чаще я стал погружаться в тревожное состояние, ожидание неясной беды. Передо мной вставал облик Бетси, ее граци-

озная фигура, строгий взгляд. И вот однажды на пороге бодрствования и сна мне явилась моя бывшая невеста и стала упрекать меня, что я позабыл ее и предпочел ей подругу.

– Но ты сама оставила меня, – сказал я. – Ты совершила неоправданный поступок и покинула город, а может быть и страну.

– Я не покидала тебя, – печально сказала призрачная Бетси. – Как не покидала Лондона. Мое тело покоится на дне Темзы. Меня коварно погубили.

– В этом виновата Клара? – с трепетом спросил я.

– Да. Та, которую я так любила, и которой я доверяла. Она завидовала мне. Моему счастью. Теперь она получит и тебя. Я вижу, что ты любишь ее. Все мужчины лживы и неверны.

– Не может быть! – воскликнул я и проснулся.

Мистер Ллойд в замешательстве посмотрел на мистера Уэллса. Господин писатель пожал плечами.

– Что ж, – продолжил свой рассказ Уошек. – На следующий день я явился в полицию и высказал свои подозрения. В комнате Клары произвели обыск. Нашли вещи Бетси. Даже самые интимные. И большие деньги. По всей видимости, мисс Симпсон не устояла при виде целого состояния, оказавшегося в руках компаньонки. Под давлением неопровержимых фактов она призналась во всем и указала место, где столкнула несчастную Бетси в воду.

После долгих поисков с водолазами ниже по течению обнаружили тело. Оно совсем разложилось, но одежда была женская и в Скотланд-Ярде решили, что это останки несчастной, запутавшейся Элизабет Монтгомери. Мисс Клару Симпсон арестовали, а на днях судья вынес ожидаемый приговор: смерть через повешенье.

Установилась тишина. Только парусный такелаж яхты издавал печальные звуки. Даже слуги, меняя угощение на столе, старались двигаться бесшумно.

– Разве это не конец истории? – спросил Джон Ганнинг.

– Как верно сказал мистер Кельвин, мое сердце чувствует, что здесь что-то не так. Я пришел к известному сыщику, чтобы разрешить мои сомнения.

– Но здесь решительно ничего нельзя найти нового! – воскликнул хозяин яхты. – Может, какие-то мелочи, но они ничего не изменят в общей картине. Я припоминаю, что мне рассказывали об этом происшествии, и я сам читал... только я не смог сразу предположить, что это относится к сердечной драме нашего гостя. Полиция провела тщательное исследование всех фактов – все стало на свои места... И как наш уважаемый сыщик сможет установить новые обстоятельства этого дела, опираясь лишь на один ваш рассказ?! Не покидая даже яхты.

Молодой человек смотрел на мистера Кельвина с надеждой.

– Ну что же, дорогой мистер Уошек, – размеренно произнес детектив. – Вижу, вам это необходимо. Ваше сердце искренне жаждет правды. В таком случае, я скажу вам, что мисс Симпсон не убивала мисс Монтгомери.

– Как?!

– В каком-то смысле она приложила руку к тому, чтобы ее соседка исчезла, но об убийстве не может идти и речи. Вы сами обратили внимание, что мисс Симпсон и мисс Монтгомери были похожи, как родные сестры. Скажу больше, они – один и тот же человек.

Все остолбенели на миг, а затем разом заговорили. Кто-то засмеялся, кто-то два раза хлопнул в ладони. Мистер Кельвин ждал. Когда миновала первая реакция и все успокоились, сыщик продолжил.

– Этому есть немедленное доказательство. Мы все одновременно услышали эту историю, я разговариваю с мистером Уошеком первый раз в жизни и ничего сверх того, в отличие от мистера Ллойда, об этом деле не знаю. Заметьте это для себя. А теперь скажите нам всем, дорогой Ричард, видели ли вы когда-нибудь этих девушек одновременно!

– Нет... но однажды я пил чай с Бетси в гостиной, когда ее подруга спала в своей комнате...

– Но это со слов мисс Монтомгери, не так ли?!

– Да, но я же не мог убедиться в этом сам...

– Так и обстоят дела, – сказал сыщик. – Никто никогда не видел их вместе. Ни квартирная хозяйка, ни горничная, ни другие слуги. Это легко проверить. Когда яхта вернется к причалу, вы можете отбить срочную телеграмму. В ответе я не сомневаюсь.

– Но для чего все это, – спросил друга капитан Ганнинг. – Тратиться и снимать целую квартиру, переодеваться, использовать грим... м-м, по-видимому, парик?

– Чтобы совершить идеальное преступление и выставить преступником никогда не существовавшего человека.

– Что же теперь делать? – спросил мистер Ллойд.

– Я бы совсем ничего не делал.

– Но как же это?! Девушку обвинили в убийстве, которое она не совершала. Ведь ее в скором времени казнят! А вместе с тем, жертвы, по вашему убеждению, никогда и не существовало...

– Вы забываете, господа, – отвечал сыщик, – что она все-таки совершила преступление, пусть и не то, за которое получит расплату – дерзкое ограбление банка. А затем вспомните, что в Темзе было найдено тело. Наверняка, какая-нибудь юная бродяжка, предлагавшая услуги определенного рода. Еще одно преступление. И хотя к ее смерти мисс Симпсон, скорее всего, не имеет никакого отношения, преступник благодаря ее лжи останется без возмездия. Так или иначе, ее криминальная карьера завершена. Она бы никогда не остановилась. И конец был бы один. Разве вы хотели бы, чтобы она успела погубить еще людей. Разбить еще не одно сердце. И это ее выбор умереть, но не признаться в содеянном. Ей достаточно было сказать на суде: «Ваша честь, вы – осел! Я и есть Бетти Монтомгери и это я ограбила банк». Но преступница совершенно осознанно предпочла разом покончить со всеми счетами, чем гнить на мучительной каторге. Хотя в своем изошренном сердце она все еще может лелеять надежду как-то вывернуться из грядущей петли...

– Ну, нам остается только поаплодировать тому, как виртуозно вы решили эту невероятную головоломку! – воскликнул мистер Уэллс. – И сделали это, буквально не сходя с места. Вы кудесник, дорогой Кельвин. Волшебник Мерлин!

Все искренне поздравляли сыщика, провозглашали тосты за его тонкое мастерство и поднимали в воздух бокалы. Только мистер Оскар – божественное копьё, как лестно охарактеризовал своего американского приятеля хозяин яхты Джеймс Ллойд, – внимательно смотрел на мистера Кельвина. В его карих глазах была непонятная грусть.

Зачастую мы слишком много ожидаем от поездок на курорт. Эти дни запланированного отдохновения от трудов земных, которые обычно так долго ожидаются, обязаны приносить нам лишь прекрасную погоду, гастрономические изыски и замечательные встречи. Именно таким получился первый день пребывания друзей в пансионате, и это сулило лондонцам, что и вся оставшаяся неделя пробежит в таком же счастливом аллюре. Но уже следующее утро доставило капитану Джону Ганнингу много огорчений. Впоследствии в своей памяти он часто возвращался к обстоятельствам этого весьма примечательного вторника, так изменившего его устоявшуюся жизнь.

Его приятель любил утренний сон, и Джон привык, что Уолтер обычно довольно поздно выползал из своей комнаты и окончательно просыпался только после чашечки крепкого кофе. Но в это утро, он обнаружил, что Кельвин встал раньше его самого и занимался в своей комнате делами. Через приоткрытую дверь можно было увидеть, что сыщик, сидя у бюро, с озабоченным видом составляет на гербовой бумаге какой-то весьма пространственный документ.

На завтрак Уолтер не пошел. Не вдаваясь в детали, он объяснил это необходимостью разобрать обильную корреспонденцию и подготовить несколько деловых бумаг. Что ж, Ган-

нинг, вооружившись книгой и ножом для разрезания страниц, удалился в сад. В конце концов, у него тоже имеются дела, требующие внимания. Он уже давно обещал себе, что будет следить за современной литературой. Роман этого русского, как его... Достоевского (раздосадованный капитан справился с обложкой) сам себя не прочтет, а дамы предпочитают, чтобы джентльмены могли поддержать разговор о прекрасном, и бесед о политике и делах избегают.

Они сошлись вновь только за обедом. Но и здесь, в столовой, в царстве накрахмаленных скатертей и звонкого фаянса, задумчивое выражение не покинуло лицо прославленного сыщика. Привыкший к жизнерадостности своего товарища, Ганнинг встревожился и несколько раз справился о его здоровье. Но друг, рассеянно поведив в воздухе столовым ножом, уверял, что чувствует себя хорошо.

В довершение всего, после немногословной трапезы Кельвин вдруг сообщил, что намерен прогуляться по берегу. Он упросил своего удивленного товарища, чтобы он позволил сделать ему это в одиночестве. Конечно, верный Ганнинг был обеспокоен этой просьбой и даже удручен. В голову ему пришла неприятная мысль, что может быть они не так близки с Кельвином, как он это себе раньше представлял, или, может быть, он как-то ненароком обидел его, привыкнув к постоянной жизнерадостности, юмору и легкости характера компаньона.

Джон начал копаться в событиях этого утра и предыдущего дня, что, в общем-то, было ему несвойственно, и что вызвало в его душе саднящее чувство неясного беспокойства.

Но затем ему пришла в голову спасительная мысль, что может быть Кельвин просто решил посетить кафе на пристани, чтобы предаться своей слабости к сладкому. И сейчас он наслаждается каким-нибудь десертом. Понятно, что товарищ желает сделать это без свидетелей. Что ж, хотя это и не пойдет на пользу талии и сердцу дорогого Уолтера, но может быть поможет вернуть его в прежнее расположение духа.

Однако когда прошел час, а затем еще один, и когда с холмов на море начали наползать сумерки, а вдоль променада и на пристани зажглись теплые огоньки электрических лампочек, Ганнинг обеспокоился не на шутку, отбросил в сторону модную книжку и отправился на поиски товарища.

Пока капитан в отставке драгунского полка Ее Величества разыскивал мистера Кельвина, спеша и всматриваясь в каждый одинокий силуэт, за гостевым домом – в самой глубине пансионатского сада, происходил очень примечательный и необычайный разговор.

Возле раскидистого дерева, подле калитки, выходящей к холмам и к строящемуся особняку, стояли детектив Уолтер Кельвин и американский друг мистера Ллойда.

– Вы верно поняли, Кельвин: я здесь в Англии, в Суссексе исключительно ради встречи с вами.

– Значит, вы, мистер Оскар, и в самом деле необычайно честны и говорите только правду, правду, и ничего кроме правды. Как перед судом присяжных.

– Об этом упоминал мистер Ллойд, это – мое свойство. Таким я создан. Но несомненно, вы и сами, благодаря вашей особенности, знаете это. Мы не могли разминуться. Когда я пошел за вами от телеграфа по проселочной дороге, я полагал, что найду вас возле этого дуба. Я заметил, что вы любите общество старых деревьев.

– А я знал, что вы ищите меня. С самого утра, как проснулся, я был готов к тому, что сегодня произойдет что-то важное.

– Что вы чувствуете, когда прикасаетесь к ним? – спросил молодой человек.

Кельвин положил руку на шероховатую кору. В движении его плеч, рук, угадывалось желание обнять гиганта.

– Не знаю, поверите ли вы. Я вижу то, что видело это дерево. В разное время. Даже тогда, когда оно было высотой чуть больше двух футов. Правда, эти самые первые далекие видения – очень смутные. Но определенно чувствуются два соверена, зарытые в корнях одним проходкой, как раз перед поездкой к констеблю. Они так и остались там до сих пор. Теперь, чтобы

извлечь их, потребовалось бы полдюжины землекопов... Вижу продрогшего воина, проезжающего мимо, мечтающего о кружке грога и теплом ночлеге... Вижу как, неясная фигура в ночи вытирает под деревом кровь со своего кинжала... Вижу тайные свидания любовников.

– Интересно...

– Деревья хранят следы былого. Их неторопливые мысли смешиваются с далекими событиями, происходящими вокруг, переплетаются, становятся самой их сутью: корнями, морщинистой корой, ветвями. Помнят былое не только деревья. Память есть у мшистого камня, положенного в основание дома, у поворота проселочной дороги, у этого строящегося дома, смотрящего сейчас на нас пустыми оконными проемами.

– Вот как? – американец повернул голову к холмам.

– Но это ничто по сравнению с тем, как фонтанируют вокруг себя воспоминаниями и мыслями люди. Хотя большая часть этих образов является выдумкой, иллюзией, мечтой. Не тем, что было на самом деле, а тем, чего человек ждал, на что надеялся, или чего опасался... Должен сказать, что я не сразу узнал о своем таланте. Вернее о том, что он является чем-то уникальным. В детстве я думал, что все люди таковы. Все чувствуют глубокие движения чужой души, ее подлинные намерения. Я только не понимал, отчего же тогда в мире так много конфликтов, неверного толкования чужих слов, недоверия.

– Но затем вы поняли и стали пользоваться своим свойством.

– Да.

– Вы представляете опасность, мистер Кельвин.

– Но я принес этот огонь на служение людям. Практически даром. Я не ищу богатства, славы. Все что мне нужно: это уют небольшой квартиры, омлет с беконом на завтрак, кресло у камина холодными вечерами, дружеское общество мистера Ганнинга (я с опасением жду, когда он покончит со своей холостяцкой жизнью, мистер Оскар, а это, несомненно, скоро произойдет – он не равнодушен к прелестям хороших женщин) и еще... – детектив замаялся. – Еще бокал хереса и немного хрустящих сладких корзиночек, начиненных взбитыми сливками. Это все что мне нужно.

– Вы меняете мир, дорогой Уолтер, – печально сказал гость. – Сами этого не желая, не ведая, заставляете идти его по другому пути. В этом мире не должно быть волшебства.

– Волшебства?

– Магии. Вы не в своем мире. Здесь не место таким, как вы. Мне очень жаль.

Американец достал из внутреннего кармана прямоугольный футляр и с щелчком открыл его. В бархатном фиолетовом ложе лежал продолговатый предмет, тускло отсвечивающий металлом.

– Что это?

– Это... будет лучше, если вы прикроете глаза...

– Вы видели мистера Кельвина? Представляете, я уже битый час его ищу: и на набережной, и в кафе, – даже в свете поздних сумерек было видно, как сильно взволнован капитан Джон Ганнинг, как бледно его вытянутое лицо. – Его везде встречали, но никто...

– Его больше нет. Слишком поздно...

– Что! Что вы говорите!? Помилуйте, мистер Оскар. Что произошло!

Заграничный гость молча поднял руку, указывая куда-то за гостевой дом.

Не помня себя, забыв о военной выправке, капитан Ганнинг поспешил по садовой тропинке. Уже через два шага он побежал сломя голову, самозабвенно, как умеют бегать только мальчишки. Американец печально посмотрел ему вслед, открыл калитку и вышел на улицу.

Ганнинг бежал по едва виднеющимся светлым плитам, всем сердцем предчувствуя неправимую беду. За жасминовым, невероятно разросшимся кустом, он повернул и увидел своего товарища, тяжело опирающегося рукой на ствол дуба.

– Мой дорогой Уолтер! – воскликнул капитан, подбегая и хватая своего друга за плечо. Ему было трудно говорить, он задыхался после быстрого бега. – Вы живы! Что с вами?

– Моя рука на этом дереве и я больше ничего не чувствую, – горько произнес Уолтер Кельвин и повернул лицо к Ганнингу. – Только шероховатость коры. И ваше дружеское тепло, вашу добрую волну тоже не чувствую...

– О чем вы? Что с вами сделал этот человек?!

– Он – не человек. Это последнее, что я успел понять, прежде чем он вынул из меня мое свойство. Он – божье копьё! И я теперь совсем ничего не чувствую.

2 глава. Соединенные Штаты. Колорадо.

Мужчина все еще был там – на трибуне, в стороне от шумных школьников, на два ряда выше члена родительского комитета мистера Юджина. Лицо незнакомца скрывала тень, отбрасываемая бежевой шляпой: можно было только увидеть небольшие усики и аккуратные бачки, но отчего-то Лора была уверена, что он смотрит на нее.

В душе появилось странное чувство – тревожное и... предвкушающее одновременно. По элегантной шляпе и прекрасному серому костюму, по светлому плащу, аккуратно сложенному и перекинутому через руку, можно было определенно сказать, что этот мужчина нездешний. Лора сразу вспомнила разговор, который состоялся у нее с матерью сегодняшним утром.

– Помни, Лора Лейн! Всегда помни, что я тебе говорила: не выделяйся! Они захотят тебя. Они придут в один день, посадят тебя в неприметную машину и увезут в свои секретные лаборатории. Там они превратят тебя в подопытного кролика и разберут на части. Этого ты хочешь? Государство никогда не оставит своих попыток найти нас. Поэтому никогда не будь первой. Если это сильнее тебя – будь второй и, может быть, нам удастся обмануть их...

Неужели это они? И что же тогда делать?

Движением головы девушка отбросила за спину собранные в хвост темные волосы, наклонилась над гаревой дорожкой, чтобы подобрать прыжковый шест, и бросила быстрый взгляд на зрительские трибуны.

Мистер Юджин мятым платком вытирал капли пота на толстом носу. Он всегда начинал потеть, когда старшеклассницы из чирлидинга выходили в своей желто-чёрной форме на газон стадиона и начинали разминаться. Но щеголеватого джентльмена в шляпе больше над ним не было. Он исчез. Лора растерянно оглянулась.

– Эй, Копач! Не переломай ноги! Мой отец собрался в Арваду на сельскохозяйственную ярмарку и некому будет тебя ремонтировать.

Лора Лейн оглянулась, шест качнулся у нее на плече – ну, конечно, Вики Рональд, кто же еще. Да ну ее! Белобрысая курица. Вечно она цепляется. И висит на руке у Мартина. Ну и пусть... Лора одним пальцем поправила блузку, выбившуюся из шорт, – руки были в тальке – и посмотрела темно-кариими глазами на тренера.

– Приготовься, – сказал он.

Лора нахмурила брови и перевела взгляд вперед; глаза нашли точку на песке, куда нужно будет вогнать шест. Девушка, забывшись, положила руку на бедро, пачкая желтую полосу на шортах.

– Соберись, Лора Лейн! – крикнул учитель. – Помни, главное – падение.

Фуух. Глубокий вдох, выдох. Вперед! Уже на втором шаге в ногах и руках задрожала знакомая вибрация, огонь пробежал по всему телу. Даже сильнее чем обычно. Значит, нужно быть осторожнее... Время растянулось. Еще шаг, руки подбросили шест: правая – чуть выше и дальше, левая перед самым лицом... Удар – одновременно шестом и ногами. В один мах она оказалась на самом верху, на кончике вытянувшегося в струнку фибергласа. Он отправлял ее в полет... Сейчас нужно окоротить себя!

Летя ногами вверх, головой вниз, она увидела возле батута на гаревой дорожке того незнакомца. Лицо его было... печально?

В одно маленькое мгновение в голове Лоры пронеслась внезапная мысль: а если это он – ее отец?!

Сила взорвалась в ней и вместо того, чтобы сдержаться, Лора отдалась во власть этой восхитительной энергии, отпустила шест... Лечу!

На глазах у всех девушка воспарила над планкой, высоко – выше, чем на пять футов, – и полетела вниз спиной в черные подушки.

Стадион и трибуны взорвались аплодисментами. Все школьники, их учителя, мистер Юджин и даже тренер кричали, улюлюкали и самозабвенно били в ладоши.

Восторг! Как это здорово! Все видели и все так за нее рады. А он? Он тоже это видел! И тут же острое чувство вины: она нарушила все запреты матери. Лора перевернулась на бок, наклонившись разгоряченным лицом над остро пахнущими, разогретыми весенним солнцем прорезиненными подушками и бросила взгляд, ища глазами человека в сером костюме. Его снова нигде не было видно.

– Ты как, звездная девочка, не ушиблась?

Мартин – сам Мартин Фостер – протягивал ей руку и широко улыбался восторженной улыбкой.

– Ага... что? – опираясь на его руку, Лора встала; приняла полотенце, протянутое подружкой Джейн, и провела влажной тканью у шеи. Мартин все не спешил отпускать ее руку. В другой раз Лора была бы на вершине счастья: самый красивый парень, капитан школьной футбольной команды, сам подошел к ней. У нее в голове бы возникли самые радужные картинки, где она – в воздушном свадебном платье, Мартин – в смокинге, оба – счастливые, выходят из арки церкви. Все бросают в них горстями лепестки роз и летят голуби... голуби...

Но сейчас она только благодарно глянула на него, а сама продолжала искать глазами фигуру в запоминающемся элегантном костюме. Незнакомца нигде не наблюдалось. Лора должна была почувствовать облегчение: страхи о том, что их нашли – беспочвенны, но вместе с тем это уносило внезапную мечту, что отец узнал о ее существовании и приехал. И конечно первым делом появился у школы. И что он теперь всегда будет с ними...

– Эй. Звездная девочка, ты даже не ответишь мне?!

Лора очнулась.

– Извини, я принимала сигналы с орбиты Сатурна... – она мило улыбнулась Мартину, очень стараясь, чтобы слезы не убежали из-под ресниц.

– Наши сегодня собираются в «Одинокой звезде». Ты пойдешь? Будет весело.

Лора опустила лицо, краска залила ее лицо до мочек ушей. Что за день!

– Ты позволишь, я заеду за тобой вечером?

Ах, какое счастье, как быстро и радостно стучит сердце, если впереди тебя ждет только хорошее.

Если бы... Вместо вечера и танцев под музыкальный автомат, она угодила под домашний арест. Ей даже было запрещено покидать свою комнату и спускаться вниз. Совершенно невозможно жить в маленьком городке, где искусство узнавать и транслировать вокруг себя новости оттачивается с рождения. Сколько прошло времени? От силы два часа. Когда Лора Лейн вернулась из школы и, поставив свой велосипед у шпалеры с розовым кустом, поднялась по ступенькам, мать уже ждала ее. Она все знала.

– Что я тебе говорила, юная леди?! Что ты вытворяешь!

– О, Боже мой... – Лора бросила сумку на пол в прихожей. – Что такого страшного случилось.

– Мне звонила миссис Фицджеральд. Поздравляла. Твой тренер прибежал в учительскую и произвел переполох. Хочет выбивать для тебя стипендию в Денвер Оук. Оказывается, ты чемпионка. Ты побила школьный рекорд, который удерживался с сорок второго года... и он был мужской!

– Ну, что такого, – Лора повернулась и поплелась на кухню, чтобы выпить колы из холодильника. – Делов-то. В следующий раз прилюдно собью планку спиной.

– Ах, что такого!?! – закричала ей в спину мать. – Ты ждешь, чтобы об этом напечатали в городской газете, или, даже может быть, окружной? Знаешь, что будет после? Я тебе расскажу...

Воздух в комнате вдруг словно сгустился. Между лопаток у Лоры пробежал озноб. Волосы в одно мгновение распушились, и раздалось легкое потрескивание, словно она только что стянула через голову кофту. Тостер на тумбе загудел, как запутавшийся в траве жук.

– Мама, успокойся... – девушка с испугом обернулась. Она уже позабыла, когда в последний раз мать так распалаясь. Разве что, когда Лора на пикнике, опередив всех, вытащила Вики Рональд из реки. Тогда на берегу одновременно перегорела проводка в полудюжине автомобилей.

– Ты меня будешь успокаивать?!

В этот раз все было еще более впечатляюще. И страшнее. Бабах! В гостиной подскочил телевизор. Он покачался на растопыренных ножках, выпуская откуда-то сзади клубы едкого дыма, и с грохотом упал кинескопом вниз. Сами собой зажглись бра на стенах. Радиоло заговорила голосом генерального прокурора Роберта Кеннеди.

Лора схватилась за щеки и присела, юбка воланом зашуршала на полу.

Мать стояла в проходе разъяренная, как фурия. Руки на бедрах, ноги в розовых бриджах расставлены, зеленые глаза мечут молнии, ярко-красные губы кривятся от гнева.

Что и говорить: выволочка последовала отменная. Миссис Копач это умела. Не зря соседи с ней не связывались. Даже если ее собачка заходила по делам на их газон, предпочитали этого не замечать...

Лора отшвырнула комикс с Суперменом в сторону. Сколько это будет продолжаться: она же уже совсем взрослая, а ее запирают в комнате за малейший проступок! При этом сама мать делает, что хочет!

Может среди бела дня заливаться коктейлями и танцевать полуголой в гостиной, не побеспокоившись задернуть гардины. Может громко разговаривать и даже хохотать на воскресной службе в их методистской церкви, и только попробуйте на нее цыкнуть... А уж как она водит машину! Горожане загодя начинают прижиматься к обочинам, если завидят на дороге их красный Бьюик. В каждой молоденькой продавщице в моле у федеральной трассы, которая молча не проглатывает ее претензии к качеству обслуживания и товара, миссис Ковач видит нахалку и вертихвостку, о чем их обязательно и извещает. А сама при этом может заявиться на школьную вечеринку, шушукаться с пожарным инспектором, а затем в одно мгновение с ним испариться.

А если уж зашла речь о мужчинах... Лора обязана быть дома не позднее девяти часов, даже если она на дне рождения лучшей подруги – хоть гроза разразится, а сама готова флиртовать со всеми подряд, даже с мальчишкой из их класса, который принес заказанную пищу. Фу, как было стыдно! Не удивительно, что отец сбежал от нее...

А вы хотите, чтобы я была пайнкой? Девушка залезла коленями на подоконник и посмотрела вниз. Яркая луна освещала розовые кусты. Без всякого сомнения, мать нарочно велела посадить их садовнику здесь. Думает, меня это остановит? Вон каштан какой разросся – ветви уже в руку толщиной. Здесь всего-то каких-то два метра...

Внизу Лора оглянулась на окна: в спальне матери теплился свет ночника, весь остальной дом был погружен в сон. Девушка осторожно открыла калитку и выскользнула на улицу. Все было тихо. Фонари заливали зелень акаций и крыши припаркованных машин оранжевым светом. Картинка была пасторальной, нежной, но отчего-то вызывала в груди неясную тоску.

Лоре вдруг расхотелось идти в «Одинокую звезду». Все должно было быть не так. Мартин должен был привезти ее туда на своем Форде и открыть перед ней надраенную дверцу автомобиля. И войти в кафе, на глазах у всех, они должны были вместе – как парочка... А теперь, выходит, что она появится там исключенная и с опозданием, сбежавшая из под ареста...

словно для того, чтобы Мартин Фостер не передумал, оказавшись вне поля ее зрения, и его не увела какая-нибудь Вики Рональд.

Как это... скучно.

Лора Лейн вспомнила тот краткий миг, когда она вверх тормашками поймала взгляд того незнакомца, его внимательные, нездешние глаза. Он словно был вестником большого мира. От его фигуры веяло не колорадским захолустьем, а большими городами, запруженными людьми улицами, блестящими машинами, припаркованными у вечерних ресторанов, бликами фото-вспышек. Какая жалость, что это был не отец: если бы он объявился и позвал ее с собой, Лора бы не сомневалась ни одной минуты – она бы навсегда покинула этот сонный городок; пусть миссис Копач сама прозябает здесь в его вечной дреме.

Лора отправилась по знакомому маршруту – к школе.

Там, за стадионом, за вязовой аллеей лежала федеральная трасса. По ней и днем и ночью бежали машины. Мимо скрытого зеленого холмами городка. Мимо Лоры Лейн Копач. Равнодушные к ее мечтам и надеждам. Они неслись на запад – в солнечную, радостную Калифорнию, где шумел прибоем великий океан. И на восток к другому океану, в сердце мира, – никогда не засыпающий Нью-Йорк.

Школа смотрела на нее черными окнами. Лора, присмирив под этим внимательным взглядом, обошла здание и вышла по дорожке к стадиону. Здесь, скрытая нестриженными кустами, девушка остановилась. Над стадионом горели все фонари. Она услышала, как кто-то в начале круга, где большими белыми буквами было написано слово «Старт», выкрикнул «пли!». Сразу после этого раздался убыстряющийся топот по гаревому полотну и через несколько секунд мимо нее пробежал Мартин.

Сердце в груди застучало быстрее. Он не пошел без нее на вечеринку! Оставшись один, он устроил себе дополнительную тренировку.

Желание пришло мгновенно, и Лора тут же, как всегда все она делала, его осуществила. Она выскочила из кустов и устремила за парнем.

Мартин бежал не очень быстро – не спринтерскую дистанцию. Она стала догонять его. На повороте он повернул голову – конечно, он услышал, что кто-то решил составить ему компанию. Увидев, что за ним бежит юная мисс Копач, Мартин просиял. На миг вскинув руку и приветственно помахав ладонью, он прибавил скорости.

Лора усмехнулась. Теперь настроение у нее было отменное. Она легко догнала Мартина (в каких-то полкруга) и некоторое время бежала с ним бок о бок. Мартин радостно улыбался ей, волосы у него были взъерошены, со лба на нос бежали капли пота.

– А теперь ты догоняй! – крикнула Лора. Она решила повеселиться и удивить парня. Хватит с нее скучных нотаций!

Легко выбрасывая длинные ноги, девушка полетела вперед. Она бежала в пол силы, дыхание ее лишь чуть-чуть ускорилося, и уже очень скоро Лора опережала парня на добрую сотню метров. Она видела боковым зрением, как он старается. Выкладывается по полной. Ведь Мартин лучший футболист в школьной команде, он – боец и уступать не собирался. Даже подруге.

Но он не знал – у него не было шансов. Если бы только Лора захотела...

Разрыв между ними составил три четверти круга. Пробежав линию старта, девушка перешла на шаг. Прошло больше минуты, прежде чем Мартин оказался рядом. И еще потребовалось время, пока он смог отдышаться и заговорить.

– Ничего себе! Лора Лейн! Ничего себе! Если я кому-нибудь расскажу, мне никто не поверит! А ты даже не запыхалась...

Он был страшно удивлен. По-настоящему. Но он ни капельки не сердился, как это бывает у парней, которых обставила девчонка. Он был восхищен. Лора наградила его улыбкой.

Они поднялись на самый верх трибун. С этих последних скамеек открывался вид на трассу. Фонари со своим оранжевым светом были далеко внизу, здесь лежала густая синеватая тень.

Лора и Мартин уселись в ее глубине рядышком, словно две птички на проводе. Юноша накинул на ее плечи свою футбольную куртку. Лоре не было холодно, но она не возражала. Девушка положила голову ему на плечо. Мартин приобнял ее одной рукой. Перед их глазами вдаль убегали красные светлячки. Счастливые незнакомцы мчались в своих машинах из одного прекрасного места в другое. Навстречу приключениям, навстречу радостной жизни, полной увлекательных событий.

– Я не вернусь домой, – вдруг сказала Лора.

– Как это?

– Я уеду.

– Куда?

– Не знаю. Все равно. Сегодня мне показалось, что я увидела отца. – Мартин заглянул в ее лицо. Лора продолжала смотреть на дорогу. Вот еще один автомобильный светлячок пополз по дуге между черными холмами. – Мне только показалось, но это все изменило. Я больше не могу здесь жить. Я здесь задыхаюсь. Понимаешь, Мартин? У меня в кармане сорок два доллара. Я разбила копилку. Утром, в четыре двадцать, у пожарной станции остановится рейсовый Грейхаунд*. Я уеду на нем. Моя мать все равно ненавидит меня. Она взбеленится, но потом даже обрадуется – я только мешаю ей жить, как она хочет. (*Greyhound Lines** – автобусная компания, обслуживающая города по всей Северной Америке)

Мартин внимательно ее слушал. Господи, какое же это счастье, когда твои слова воспринимают всерьез! Можно сказать все-все, что есть на душе.

– Мир может в любой момент закончить свое существование, Мартин. Ты слышал, что говорят по радио? Русские завезли ракеты к Кастро. Может быть, в эту минуту они уже летят сюда. А я в своей жизни ничего не видела и ничего особенного не делала. Ничего не успела...

– Ты самая удивительная девушка на всем белом свете, – сказал Мартин.

Лора подняла к нему лицо. Юноша наклонился и поцеловал ее в губы.

– Я люблю тебя, Лора Лейн Копач. И ни за что не отпущу тебя одну. Мы уедем вместе. И мы не будем ждать до утра. Мы выйдем на трассу и поймем попутную машину. Куда ты хотела отправиться?

Лора радостно засмеялась. Да, это определенно самый лучший день в ее жизни.

Они шагнули с трибуны прямо на холм. Мартин взял ее за руку. Смеясь, звеня в темноте разбросанными пустыми банками, они сбежали вниз по заросшей тропе. Пробрались между жасминовыми кустами. Темень была невероятная. Они взобрались на обочину дороги. Это все было словно шутка. Совершенно безопасная. Все равно никто не остановится среди ночи.

Но стоило им поднять руки, как первая же машина сбросила скорость, вильнула к обочине и зашипела резиной по песку и траве. Это был фургончик. Он был весь расписан краской, а на боковой двери – на самом видном месте, была нарисована голубиная лапка в круге.

Лора и Мартин смотрели на этот знак, как на вход в пещеру Алладина, как на кроличью нору, в которую провалилась Алиса. Пальцы их рук сплелись. Неужели сейчас, в самом деле, они отправятся в путешествие...

– Голубки, ну вы собираетесь ехать? – дверь открылась. В проеме стояла девушка в светлом платье, похожим на индейское; ее длинные волосы были заплетены в косы и схвачены на лбу полоской ткани. – Или вам в другую сторону?

– А куда вы едете?

– Лос-Анджелес, Сан-Франциско – еще не решили. К солнцу и океану. Пока человечество не покончило с собой. Посмотрим, на сколько хватит бензина и припасов, будем ехать пока не придется где-нибудь впрячься в подработку.

В салоне было темно и уютно. Приятно пахло чем-то горьковатым. На сиденьях и окнах качалась бахрома.

– Проходите, ребята, назад. Там стеганные одеяла и спальные мешки, устраивайтесь. Меня зовут Норма, а это – мой муж Фред. – Мужчина с водительского кресла дружелюбно помахал растопыренной пятерней.

– А мы Мартин и Лора, – сказал Мартин.

– Очень!

В сердце фургончика заскрежетали шестерни; круглолицый, бородатый Фред воткнул передачу и нажал акселератор. Машина заурчала, вырываясь с обочины. Под крышей салона дружно закачались висюльки. Мартин повалился в одеяла на полу, смеясь, потянул к себе Лору.

– Ну, вот и хорошо. Поспите, уже очень поздно, – улыбаясь, сказала Норма и полезла через сиденье вперед к мужу.

В объятиях Мартина было очень уютно и покойно. У нее под головой было его широкое плечо. Его губы были совсем рядом с ее глазами. Она чувствовала, как размеренно и мощно бьется его сердце, и как его рука, обнимая ее, лежит у нее под блузкой. Впервые Лора была так близка с парнем. Ощущения были совсем новыми и необыкновенными. Упоительными. Разве можно было заснуть в такой момент? Губы Мартина осторожно дотрагивались до ее шеи. Совершенно невозможно. Но она задремала...

Она поняла это, когда фургончик резко вильнул и затрясся по обочине, теряя скорость. Лора открыла глаза.

– Сегодня у нас богатый улов. – Фред потянулся через салон к правому окну. В темноте кто-то стоял. – Тебе тоже, приятель, нужно срочно покинуть Колорадо?

– Если вы будете так добры...

– Как тебя зовут, дружище?

– Оскар.

– Забирайся, приятель, и будем все знакомиться.

Дверь снова открылась, под потолком зажглась лампочка. В салон, пригибаясь и придерживая на голове кремовую шляпу, шагнул незнакомец. Он был в костюме, в руке у него был кожаный прямоугольный чемоданчик.

Девушка уставилась на него во все глаза. Она не знала, что подумать. Ей показалось, что это тот самый человек, которого она утром видела на трибунах... Но вот он снял шляпу и она поняла, что ошиблась. Этот человек был слишком молод. Лоре бы не пришло в голову предположить в нем своего отца.

– Здравствуйте, ребята, – сказал мужчина, убирая с сиденья растрепанную книжку и усаживаясь. – Не помешаю? Меня зовут Оскар.

– Привет, Оскар. Я Мартин.

Лора назвала свое имя и подпернула одеяло повыше: рука Мартина освоилась у нее под блузкой и приступила к исследованию неизвестной территории. Девушка еще не успела решить, какие установить для нее ограничения...

– Забавный рисунок, – громко сказал Оскар, указывая на книжку. На оранжевой обложке был изображен робот, поливающий лучами из глаз южный город с пальмами и автомобилями.

– Да, приятель, – отозвался Фред, оборачиваясь. – И повесть забавная. Не читал? Хотя я вижу по твоему костюму, что ты человек деловой, и, наверное, не трапишь свое время на такую литературу.

– Не читал...

– И очень напрасно, – подключилась к беседе Норма. – Всем вам следовало бы интересоваться, чем грозит человечеству безудержный прогресс.

– Кому нам?

– Вам – людям в костюмах. Бизнесменам, чиновникам – воротилам. Тем, кто устанавливает правила, по которым наша страна со скоростью экспресса мчится к пропасти.

– Ну что ты напала на человека, Норма, может он не такой. Костюм – это еще не преступление.

– А чем грозит прогресс? – новый попутчик не спорил. Он с интересом листал зачитанный томик, глаза быстро бегали по строчкам.

– Тем, что общество потребления не знает меры. Вы придумываете все более сложные механизмы для растущих запросов и, в конце концов, создадите такие машины, которые похоронят человечество. И это вовсе не выдумка. Разве атомное оружие не грозит прямо сейчас нашему существованию?

Фред успокаивающе положил руку на колено жены. Норма немного сбавила обороты, но продолжила:

– Что будет следующей напастью? Я тебе скажу, приятель, все здесь, в этой книжке: социальный прогресс лишил сильных мира сего рабов, рано или поздно, оно лишит их и слуг. Но человечество порочно и лениво. Взамен вы сделаете механических рабов. Чтобы было кем помыкать. Казалось бы, вот тут наступит золотой век. Но осознав себя, роботы тоже восстанут! Восстанут за свои права.

– Хм... интересная мысль, – сказал мужчина.

– А как же три закона робототехники? – вдруг подал голос Мартин. По тому, что его рука ослабила настойчивость, Лора поняла, что разговор очень заинтересовал Мартина.

– А есть такие законы? – спросил джентльмен. Он закончил листать книгу и отложил ее в сторону.

– Конечно. Суть их сводится к тому, что робот должен выполнять волю человека, если только он при этом не причиняет ему вред, в том числе и своим бездействием. Следуя этому главному условию, он может побеспокоиться о своей безопасности.

– Вот как? Кто же установил эти законы?

– Их придумал писатель Айзек Азимов. Фантаст.

– Ах, придумал... снова писатель. А вдруг у какого-нибудь робота окажется другое мнение, или его основная функция – то для чего он бы создан – войдет в противоречие с этими постулатами. В таком случае господину Азимову придется приложить значительные усилия, чтобы убедить роботов последовать этим законам. По крайней мере, люди должны хорошенько подумать, прежде чем их принять официально. – Новый пассажир сцепил пальцы на своем колене. Вежливо улыбаясь, он рассматривал парочку, оккупировавшую заднюю часть фургончика.

– Надеюсь, этого не случится, – отозвался с водительского сидения Фред.

– Вот, пожалуйста... – сказал Оскар, поднимая ладонь кверху.

– Если роботы начнут следовать такому колченогому закону, каждая отдельная человеческая особь, может быть, и выиграет, – продолжил хозяин фургончика. – Правда очень ненадолго... А человечество, как вид – проиграет.

– Это почему еще? – удивился Мартин. Его настолько увлек разговор, что его рука совсем покинула пространство под Лориной блузкой. Девушка вздохнула с сожалением и прислонилась к плечу приятеля. Глаза она прикрыла. Разговор ее несколько не трогал, но, к слову сказать, и не мешал, под мягкое покачивание машины, под шелест шин на нее опять навалилась дремота. Видимо, слишком много чего сегодня произошло...

– Да потому, – ответил Фред, – что тогда следовало бы ввести еще и нулевой закон, и звучать он должен был примерно так: «Робот не может допустить, чтобы Человечеству был принесен вред. И любые последующие законы не должны этому противоречить».

– А вот с этим я категорически согласен! – сказал Оскар.

– Мой Фред такой парень – он не способен причинить вред другому человеку. Всегда был такой, с самого детства. За это я его и люблю, – сказала Норма. – Но нам бы не помешало, чтобы наконец пришел кто-то разумный и сильный, и вмешался в то, что происходит, пусть даже это будет робот.

– Человечество изнывает под гнетом кучки высокопарных идиотов, – поддержал жену Фред. – Они отчего-то решили, что имеют право решать за нас, как жить и во что верить. Именно из-за этого мир теперь стоит на пороге последней войны. Получив в руки ядерную дубину, эти доброхоты полезли к русским. Они разместили свои гребанные ракеты у них на границе. В Турции. Чего они этим добились? Разве мир стал безопаснее? Теперь русские привезли свои атомные аргументы к Кастро.

– Эти великовозрастные дети загнали ситуацию в тупик, – добавила Норма. – И никто не хочет уступить другому. Если появится умник, что заставит их отступить – я буду только рада. Пусть это будет кто угодно: хоть робот, хоть зеленые человечки... Миру нужен супергерой, который спасет человеческий род от его же глупости.

Разговоры утихли, на некоторое время в салоне воцарилась тишина.

– Но подождите... – сказал Мартин растерянно. – Ведь польза для Человечества – вещь очень смутная, даже абстрактная. Как же можно быть уверенным, что ты поступаешь во благо всего человечества, а не во вред ему. Вот Советы видят решение – в дисциплине и коллективизме, а у нас совсем иначе...

– Да. Придется герою в этом вопросе самому решить, как же ему лучше поступить, – сказал вежливый джентльмен. – Вы не против?

«Миру нужен супергерой» – думала Лора, погружаясь в сон в уютных объятиях Мартина. – «Ты ждешь меня, человечество?»

Когда Лора проснулась, уже наступило утро. Было тихо и свежо. Фургончик мирно стоял на заправке, металлические листы его корпуса чуть потрескивали, нагреваясь под солнечными лучами. Девушка была одна.

Счастливо улыбаясь, Лора вылезла из вороха одеял и покрутила растрепанной головой. Мир был чудесен: строгие правила миссис Копач и походы в школу остались где-то далеко позади.

Лора увидела за зданием заправки, возле старой красной сосны, будку туалета. Бросив на плечо полотенце, она направилась в ту сторону. По дороге, не в силах сдержать радости перед наступающим днем, юная мисс Копач энергично выбросила вверх руки и положила их на голову. Впереди обещали быть только счастливые события!

За старой сосной бодрыми шоколадными султанчиками торчали длинные головки камыша. Быстренько искупаться было бы замечательно. Хотя бы пять минуточек. Прежде чем вернуться к стоянке, Лора выскочила на берег и ахнула: озеро было небольшое, круглое и выпуклое, как глаз. Со всех сторон, словно ресничками, оно было окружено лесом.

Скинув быстро одежду, Лора прыгнула в воду. В несколько энергичных гребков она доплыла до середины озера и повисела на месте, болтая в прохладной воде руками и ногами. Кожу словно покалывали тысячи маленьких деликатных иголок. Пару минут Лора прислушивалась к энергии, которая вливалась в нее с этими дружескими прикосновениями, чувствуя, как упруга ее кожа, как крепки и эластичны под ней мышцы. Немного жалея, что нельзя задержаться подольше, она поплыла обратно. Наскоро обтеревшись полотенцем, Лора натянула шорты и футболку.

– Какие у вас планы на жизнь, мисс Копач? – На упавшем дереве, аккуратно подпернув брюки, сидел их попутчик. Несмотря на путешествие в фургончике, костюм на нем был удивительно опрятный и ни капельки не помятый. В пальцах он задумчиво крутил продолговатый футляр неизвестного предназначения.

«О, Господи!» – подумала девушка, вытирая промокшим полотенцем каштановые пряди волос. – «Значит, все это время я вертела голой задницей перед этим чопорным господином. А что же он...» – Лоре неудержимо захотелось рассмеяться, когда она представила, какое выражение лица у него должно было быть при этом.

– Жить, мистер Оскар! – весело выкрикнула Лора. Полотенце совсем промокло и стало бесполезно. Девушка шагнула к мужчине поближе, наклонив голову и белозубо улыбаясь. – Жить, радоваться этой замечательной жизни и свободе!

– И только?

– Разве этого мало, мистер Оскар?

– Хм. Я очень занятой... человек, Лора Лейн, очень. Но давайте предположим, что так все и будет.

С этими словами идеальный джентльмен встал, аккуратно спрятал футляр во внутренний карман пиджака и направился прочь. Совсем в другую сторону от заправки и стоянки.

– Какой вы странный, мистер Оскар! – крикнула ему Лора вслед. – Что за вопросы в такое славное утро? И куда вы направляетесь? Разве вы с нами не поедете дальше?

– Прощайте, мисс Ковач.

Когда она вернулась к фургончику, ее ждал Мартин. В бумажном пакете у него были хот-доги с кетчупом и горчицей, а в руке – две бутылочки холодной газировки. Пришли и Фред с Нормой. Лора накинулась на еду со зверским аппетитом. Когда Фред раскопегарил фургончик и вырулил со стоянки, Лора поискала глазами: не передумал ли джентльмен по имени Оскар покидать их компанию. Его нигде не было видно.

Ну и ладно, удачи ему! Впереди их ждала солнечная Калифорния! И много еще другого, чего они не успели попробовать с Мартином...

Боковой переулочек за главным зданием мюзик-холла пользовался дурной славой. Что ни вечер, здесь случалось очередное происшествие.

Конечно, Рональд Салеман знал об этом, как знает окунек, глядя, на откуда ни возьмись появившегося жирного червяка, что за ним должен скрываться холод острого крючка, и все же хватающего нехитрую наживку.

Но Салеман всего-то выскочил между номерами купить у дилера немного зелья. И купить-то не для себя, а чтобы угостить вечером крошку Хилари. Как на грех, он только что получил деньги, задержанные за два последних месяца. Тем обиднее было как раз теперь оказаться зажатым между пожарным выходом и мусорным баком: сложенные вдвое купюры предательски топорщили карман рубашки.

– Давай, приятель, не тяни, – сказал мелкий нервный субъект с треугольным лицом, и поволил у Ронни перед глазами лезвием, зажатым в кулачке. – Гони монету и проваливай куда шел.

– С деньгами нужно расставаться легко, гавнюк. Сотрясение мозга или дырка в животе тебе обойдется дороже, – резонно заметил второй грабитель. Этому громиле не нужно было оружия: он был на два фута выше и в два раза толще актера, а его поднятый кулак напоминал молот.

Все так, но почему обязательно он, и почему сейчас, когда Салеман предвкушал, как будет наслаждаться жизнью и бросаться деньгами. Актер горестно поднял глаза к черному ночному прямоугольнику, покрывающему узкий переулочек, и увидел ангела, безмолвно и стремительно летящего на него с неба. Правда, ангел своей яркой раскраской больше походил на осу...

Раздался негромкий звук. Гибкая фигура опустилась на ноги за спинами у грабителей. Бандиты обернулись.

Возле кирпичной стены стояла девушка. Она была облачена в желтую блузку и такую же юбку. Юбка была короткой – значительно выше колен, и по ее краю шла черная полоса. На плечах у незнакомки был черный плащ, на лице полумаска.

– Это еще что за цыпочка... – промямлил мелкий грабитель с ножом, вытаращив глаза. – Откуда она взялась?

– Молоденькая, – пробасил громила. – И почти не одета. Замерзла, наверное. Но дядюшка Билли согреет бедную крошку. Иди сюда, детка!

– Мистер, у вас проблемы? – спросила девушка звонким юным голосом. Дождавшись от Ронни неуверенного кивка, она удовлетворенно поставила руку в шелковой перчатке на бедро. – Идите, мистер, и не забудьте вызвать полицию. Их появления здесь будут ждать двое раскаившихся граждан.

– Стоять! – крикнул мелкий головорез в сторону актера, и в следующий момент Рональд Салеман увидел, как девушка пружинно подпрыгивает в воздух.

Дальнейшее происходило какими-то странными рывками.

Некая желтая полоса, схожая со стрелой, метнулась в сторону подбородка бандита, звонкий удар, и вот уже его тело, вытянувшись, летит в сторону. Мусорный бак с грохотом опрокидывается на мостовую. Затем спасительница оборачивается к громиле, волан юбки взвивается, полностью открывая стройные ноги.

Ронни сорвался с места. Он бросил взгляд назад, когда прикрывал за собой дверь аварийного выхода, и увидел немыслимую картинку: девушка висела в пяти футах от земли, руки ее были расставлены в стороны. Затем она чуть наклонилась на бок и выбросила ногу вперед. Носок ее чёрной туфельки и нос бандита встретились...

Дальнейшего Салеман не видел. Когда он вернулся с полицейским нарядом, дежурившим на площади со стороны входа в мюзик-холл, удивительной девушки-осы не было. На брусчатке валялись два добросовестно отмотуженных жулика и короткая записка с пожеланием успеха стражам порядка.

... А Лора Лейн Ковач, едва касаясь ногами покрытия, бежала по крышам в сторону пригорода. Она без особого напряжения перепрыгивала с одного дома на другой, преодолевая в один прыжок расстояние в пятнадцать, даже двадцать футов*, не задумываясь, как это возможно. Для нее не было ничего невозможного, потому что на сердце было легко и радостно. Когда тебе семнадцать лет, жизнь твоя наполнена только теми вещами, которыми ты сама хочешь заниматься, и она свободна от нравоучений – ты самый счастливый человек на свете. (*три фута* – примерно, один метр*)

Вон появилась крыша их дома. Она уже казалась родной. Ее бледно-оранжевые черепицы привычно пели под быстрыми ногами, когда она уходила ночью и возвращалась на рассвете домой, в их с Мартином гнездышко.

Вместе с Нормой и Фредом они остановились в Лос-Анджелесе. Дом был не очень большой – двухэтажный, и находился он вдалеке от оживленных улиц, у черта на куличках, зато до широкого пляжа, на котором волны Великого океана с шипением выползали на белый песок, было всего четверть часа пешком, а на велосипеде – и вовсе ничего. В их коммуне было четырнадцать человек – немало, но Мартину и Лоре повезло: им благосклонно выделили отдельное просторное помещение. А то, что располагалось оно на чердаке, под самой крышей, и по утрам голуби будили их своим курлыканьем, так это ведь сущие пустяки.

Лора Лейн осторожно ступила с крыши на лежащий у слухового окна ящик. Мартин спал на груди, накрытый простыней по пояс. Девушка одним движеньем стянула через голову яркую блузку, скинула юбку; сжав шелковую форму в кулак, сунула ее в сумку, висящую на ремне под балкой. Оставшись совершенно обнаженной, освещенная нежным светом раннего утра, она хищно обернулась на спящего дружка.

Словно пантера, руками вперед, она с места прыгнула ему на спину. Но Мартин вновь почувствовал ее движение, хотя казалось, он был полностью погружен в сон; не открывая глаз, он повернулся и протянул руки ей навстречу. Девушка влетела в его объятия.

– Привет, проказница, – прошептал Мартин. И началась их горячая схватка.

Он был настоящий увалень – неловкий и медлительный, но в его плечи и грудь тренировки закачали много упругой силы. На какое-то время он стал хозяином положения.

Лора отбивалась от рук, разрешая Мартину дотрагиваться до нее лишь губами, изгибалась под ним, силилась достать ногами до его плечей, чтобы опрокинуть на спину. Казалось, что им не хватит пространства гобелена, наброшенного поверх сена, и битва вот-вот продолжится на полу, испачканном голубиным пометом, но Мартин вовремя заметил опасность, обхватил ее за бедра и перекинул через себя на другую сторону.

Лора подчинилась, разрешая ему увеличивать темп их схватки до хрипоты в легких. Она зажмурилась и выжидала; толчки Мартина перемещали ее по полю битвы, они скомкали простыни и загнали под спину Лоры подушку. Но когда их тела покрылись потом, она ловко выскользнула из-под него и в один миг оседлала. Разбросав волосы по плечам, она скакала по прерии, в очередной раз усмиряя своего дикого мустанга. И как всегда оказалась победительницей!

– Сегодня не жди меня, я буду работать до самого закрытия автомастерской. – Мартин прыгал на одной ноге, натягивая застиранные джинсы. – Как странно устроен мир! – говорил он. – Кеннеди объявил блокаду Кубы, русские в ответ заявили, что не намерены ей подчиняться и никому не позволят останавливать их корабли. Вот-вот на наши головы полетят атомные бомбы, а все остается по-прежнему: нужно идти на работу, потому что без наличности бакалейщик не отпустит даже пачку макарон.

Лора по пояс высунулась в слуховое окно и счастливо потягивалась. Свежий утренний воздух ласкал ее обнаженную кожу.

– Эй, детка Лора Лейн! – крикнул снизу Фред, и девушка прикрыла грудь рукой. – Ты же помнишь, что сегодня ваша очередь прибираться в нашем бедламе?

Девушка подняла ладонь, но Фред уже отвлекся. Он разговаривал на краю газона с каким-то худощавым типом.

– Бедная моя крошка, и тебе тоже приходится заниматься чёрной работой, – сказал Мартин, прижимаясь к ней сзади. – А я обещал тебе, что ты будешь делать только то, что сама пожелаешь. Стоило придержать язык за зубами.

– Это сущие пустяки, и я делаю именно то, чего мне всегда хотелось, – Лора смотрела, как из руки Фреда к незнакомому хлыщу отправились мятые купюры, а обратно перекочевал листок, сложенный крошечным конвертиком.

– Открой в себе зверя, чувак, твоя девушка будет в восторге! – сказал субъект.

На лбу девушки появились две продольные морщинки. Фраза была знакомая. Она уже слышала эти слова. Похоже, дело касалось той новой «дури», про которую ходили необычные слухи. Она заставляла человека почувствовать себя сильным и отважным. Будила природную агрессивность. Может, из-за этого в городе ангелов в последнее время так взлетело количество преступлений, отягощенных насилием.

Нужно будет к этому присмотреться повнимательнее, подумала Лора.

Уборка. В доме, который оккупировало сообщество хиппи. Вот, что предстояло сегодня исполнить Лоре Лейн. Для любого это было бы непосильное предприятие, каторжное задание! Для любого, но только не для нее – не для Шелковой Осы.

Девушка включила проигрыватель погромче и с головой отдалась делу. Если бы появился сторонний наблюдатель, он бы решил, что в доме вкалывают полдюжины шустрых уборщиц,

и каждая из них одновременно выполняет несколько работ. Везде мелькали быстрые руки, летали швабры, веники, ведра наполнялись водой и перемещались по этажам. Это было подвластно только супергероине!

«Дилинь-дилинь!» – раздался голос дверного звонка. Лора нахмурила брови. Соглашаясь на работу по уборке дома, она поставила только одно условие: никто не должен ей мешать своим присутствием. Три часа поле битвы должно было находиться в ее полном распоряжении.

– Доброе утро, мисс... – в дверях стоял полицейский. На голове его была новенькая фуражка, на молодом лице – аккуратные темные усики. Ничего примечательного. Если бы только не глаза. Удивительные тигриные глаза, яркого, почти оранжевого цвета... Они доброжелательно глянули на Лору, на ее мокрые руки, на полосатую майку, едва прикрывающую трусики, и переместили взгляд за ее спину, где идеальной чистотой и порядком блистала гостиная.

– Меня зовут... Джонс. Слушаю вас, офицер. – Лоре отчего-то очень приятно было смотреть в эти янтарные глаза. Хотелось даже быть милой.

– Офицер Драго, мисс Джонс... о, какая красота! Никогда не видел здесь такого блеска, даже когда миссис Норджери еще не сдавала свой дом и сама проживала здесь. А она славилась своей тягой к порядку. Думал, что застану в вашей коммуне форменный разгром.

– Сама удивляюсь, офицер, – сказала Лора, немного кокетничая. – И зачем мне все это? Наверное, инстинкты к чистоте просыпаются...

– Только к чистоте? – произнес коп и пошел по гостиной, положив руки на бедра и рассматривая комнату. Голос его прозвучал раскатисто, бархатисто, и весь он напоминал сытого, пружинистого кота... нет, конечно, не кота, скорее уж тогда – тигра.

В душе Лоры от этого баритона что-то податливо дрогнуло.

– Видите ли, мисс Джонс, это мой участок. А я такой человек, что люблю знать, что происходит тут у меня. И поэтому стараюсь близко познакомиться со всеми. – Он совсем чуть-чуть, но совершенно явно выделил голосом это слово «близко». – А здесь в Калифорнии, это очень нелегко. Вы понимаете: люди движутся, скачут туда-сюда, как карты в колоде... – он наглядно проиллюстрировал свои слова.

– Да, офицер, – Лора смотрела на руки полицейского. Его жесты были удивительно мужественные и, в тоже время, изящные.

– Я хочу, чтобы вы оставались в безопасности. Понимаете? Такая славная девушка. Вы, наверняка, приехали из небольшого городка, где люди, уходя из дома, даже не запирают дверей. Где кругом дружелюбные соседи и в переулке тени – это лишь тени. Нет причины в них всматриваться. В нашем городе уже не так... Вы знаете, у нас в участке ребята травят новую байку, – вдруг резко поменял тему офицер Драго, и пошел к лестнице, ведущей на второй этаж. – Якобы в нашем районе завелась героиня – народная мстительница. Она одевается в шелковый костюм, изображая рассерженную осу, и по ночам наводит страх на местную шушеру. Представляете?

– Вы не одобряете? – спросила Лора, следуя за ним по ступенькам. Ей очень хотелось бы признаться этому офицеру, что она и есть та героиня. Пусть бы он посмотрел на нее удивленно своими янтарными глазами.

– Почему же? Это так понятно. По-человечески. Но только мне будет, очень жаль, если эта милая девушка попадет в беду. Дело в том, что в округе есть пара глаз, которые с большим неудовольствием следят за этими ее шалостями.

– Вот как? Надеюсь это не ваши глаза, офицер? Какой-нибудь страшный преступник. Глава мафии?

– Если бы, если бы, – задумчиво сказал коп.

Он стоял в дверном проеме, ведущем в одну из спален. Здесь Лора еще не успела прибраться.

Почти всю комнату занимала разобранная кровать. На ней разметались в яростной схватке простыни, покрывало было отброшено в сторону и почти полностью лежало на полу.

На тумбочке стоял курительный кувшин. На ковре лежали в беспорядке две женские домашние туфли с розовыми помпончиками.

Лора вдруг представила, как полицейский поворачивается к ней, подхватывает ее своими сильными руками и бросает на эту бесстыжую кровать.

– Так вы, конечно, не знаете эту героиню? – спросил офицер.

Лора приоткрыла рот, но ничего не произнесла. Она боялась, что ее голос дрогнет.

– А мне хотелось бы передать ей одну вещицу, – полицейский поднял перед лицом Лоры небольшое ожерелье из полупрозрачных оранжевых бусинок, на котором висел круглый, янтарный кулончик. – Он уберет бы ее от беды...

Ничего особенного, но украшение притягивало к себе. Хотелось им обладать.

– Что мне нужно сделать, чтобы заполучить его? – спросила Лора. – Отдаться?

Она принужденно хихикнула, с ужасом осознавая, что и в самом деле готова сейчас на все. Даже на то, что очертя голову изменит своему Мартину... И сделает это вовсе не ради кулона. Но Драго не улыбнулся. Он внимательно взглянул в глаза Лоры своими невозможными янтарными глазами. У девушки отчаянно забилось сердце: сейчас, сейчас все будет!

Внизу чья-то рука толкнула входную дверь.

– Это необязательно, – сказал полицейский. – Он уже ваш.

В гостиной, сложив руки на груди, стоял Фред. Его лицо выражало крайнюю степень неудовольствия.

– В чем дело, офицер? – спросил он у полицейского, спускающегося по ступенькам. Лора пристыженно шла за ним. У нее горело лицо, словно все, что она представила себе, взаправду уже произошло. И, конечно, любому, кто увидел их вдвоем, должны были прийти в голову те же мысли. – Чем мы дали вам повод так беспардонно нарушать наши права? Это что, обыск?

– Ни в коем случае, мистер, – заверил его коп. – Я просто воспользовался любезным приглашением мисс Джонс.

Он остановился напротив Фреда, и хотя лицо полицейского светилось добродушием, и сам он был на целую голову ниже рассерженного хиппи, что-то в его янтарных глазах заставило здоровяка убавить тон:

– В таком случае, чего же вы хотите от нас? Снова какая-нибудь ханжа пожаловалась на нашу коммуны, и теперь вы явились поучить нас, как следует жить?

– Я бы никогда не осмелился на это, мистер. Всяк живет, как может и идет тем путем, который ему предписан его природой.

– Хм. Должен сказать, это очень необычные воззрения для копа.

Полицейский перевел свои янтарные глаза на Лору, дотронулся пальцами до козырька фуражки. В его взгляде было столько всего: и глубокая, спокойная мудрость, и сочувствие, и, кажется, цинизм вперемешку с пресыщенностью. Словно обладатель их прожил тысячи лет, и видел на своем веку все, и ничем его нельзя было удивить, испугать, или обрадовать по-настоящему.

Станный, странный это был коп. И совсем на вид молодой. Лора ждала, что он скажет ей что-нибудь особенное на прощание. Неужели он просто уйдет?

И в дверях офицер Драго остановился, но обратился он к Фреду:

– Я пришел посмотреть, мистер, как вы живете, потому что сегодня мистер Джордж Рокет, проживающий на соседней улице, убил миссис Сару Рокет. Такое вот несчастье. Возле вашего супермаркета. На стоянке. Кажется, в порыве ревности...

– Мм...?

– Увы, мистер, это случилось. Он нанес ей удары ножом в область живота и груди. И ранил одного приятеля. Из другой коммуны, схожей с вашей. Что-то ненормальное творится

с людьми. Восьмое убийство за два дня в нашем районе. И все немотивированные, с особой жестокостью.

– Это все чертовы русские ракеты – мир сошел с ума...

– Может быть. У него нашли марки, пропитанные каким-то новым наркотиком. Говорят, он делает людей агрессивными.

Лора привыкла носить этот кулон с цепочкой на запястье. Это было удобно и не выглядело так старомодно, как на груди. Но сегодня, как назло, она позабыла его на краешке матраса. Как нехстати. Теперь он бы ей пригодился. Кулон и в самом деле придавал ей уверенность, дарил чувство безопасности.

Девушка даже начинала верить, что это было не просто забавное происшествие – с тем очаровательным копом. Не просто флирт, попытка соблазнить понравившуюся девушку. А он намеренно появился в их доме, чтобы... что бы, что?... для чего?... – она еще не придумала.

Но именно сегодня, когда она узнала, где находится эта клоака, из которой расползается по городу новый страшный наркотик, с подарком офицера Драго ей было бы спокойнее.

Может, следует, перенеси визит? Лора не остановилась, но шаг ее на короткое мгновение замедлился.

Нет, нужно покончить с этим злом. Девушка встряхнула каштановыми волосами, отбрасывая прочь сомнения, и решительно подошла к перилам. Только человек, который знает, что делает все правильно, способен на подвиг. Способен укрощать зло. Героем его делает вовсе не плащ за спиной.

Пружинно подпрыгнув на носке, она бросилась вперед. Черно-желтый росчерк соединил два небоскреба, стоящих друг от друга в сотнях метров. Что там прошлый школьный рекорд по прыжкам с шестом в далеком колорадском городке, такое вы видели?! То ли еще будет! До вечера, когда вернется Мартин из мастерской, еще уйма времени – она много всего успеет...

Девушка сделала несколько шагов по новой крыше, глаза ее теперь примерялись к далекому зданию в двух кварталах. Это и была ее цель – пентхаус бандита, который стремительно подминал под себя город. До него было не меньше мили, это был настоящий вызов ее способностям, а в голове уже появилась дерзкая мысль: а нужны ли ей эти подпорки? А если просто взмыть в небо – без всяких ограничений?!

– Лора Лейн. – Девушка обернулась.

Возле пожарного выхода с лестничной клетки на крышу стоял обыкновенный человек. Постарше ее, но лишь настолько, чтобы не считаться ровесником. В сером костюме, который обычно носят работники федеральных агентств и управлений, в мягкой шляпе, с плащом, перекинутым через руку. С доброжелательными карими глазами и аккуратными усиками над губой. Отчего-то сразу узнаваемый в этот раз. Это именно он был тогда на стадионе, когда Лора не смогла в полной мере обуздать себя и побила школьный рекорд... и кажется, мировой заодно. И именно он был в автобусе Фреда и Нормы, и на берегу маленького лесного озера, хотя тем утром он казался значительно моложе.

Может быть, потому, что тогда Лора не заметила этих грустных скобочек в уголках его рта.

– Это вы? Но как... что вы здесь делаете? – спросила девушка.

– Куда ты собралась, Лора Лейн?

Снова вопросы. Вопросы, требующие ответа. Таким тоном умудренный пожилой учитель спрашивает сорванца, неумело прячущего за спиной рогатку. И оба верят, что он имеет на это право. Потому, что учитель все видит и понимает.

– Бьюсь об заклад, мистер Оскар, что вы и без того все знаете, – ответила Лора. – Иначе, как вы оказались здесь именно сейчас. Откуда вы, из ФБР? Из ЦРУ? Я вас боялась и ненави-

дела, с самого детства. Моя мама приучила меня к этому. Но, похоже, что у вас есть оправдание: вы создали меня. И теперь я могу принести пользу нашей стране.

Девушка стояла перед Оскаром, положив руки на бедра. Молодая, красивая, белозубая – она словно сошла с постера.

– Ведь вы этого хотели. Теперь отойдите и получите награду. Читайте вечерние новости.

– Я вовсе не хотел этого. Я понадеялся, что тебе и в самом деле просто хочется жить и наслаждаться своей юностью. Теперь я вижу, что совершил ошибку.

Лицо мужчины под полями мягкой шляпой было печально.

– Я вас совсем не понимаю, чем же вы недовольны?

Девушка приблизилась к нему и доверительно взялась пальчиками за лацкан его пиджака.

– Ну же! Все будет хорошо, мистер Оскар. Просто замечательно. Люди увидят, как восторжествует справедливость! Зло будет наказано. Я понимаю, что у вас были на меня определенные планы: может быть, я должна буду разобраться с русскими ракетами? Я уж и сама подумывала... – девушка подмигнула и довольно засмеялась. – Но позвольте мне сначала избавить город от этого мерзавца. Я к нему давно подбиралась. Мы все успеем, мистер Оскар. Я обещаю!

– Ты среди белого дня полетишь по городу? На глазах у всех? И все увидят чудо...

– А что такого? Пусть увидят! Тайны отвратительны. Не стоит таиться в тени человеку с честными намерениями!

Девушка сорвала с лица полумаску и отбросила ее в сторону.

– Да. И вот это самое опасное, – пробормотал собеседник. – Я совершил ошибку. Меня предупреждали, но мне казалось, что у меня все под контролем. Я случайно подошел слишком близко к тебе и потерял беспристрастность.

– Когда это?

– Там у озера...

– А... – Лора вспомнила свое купание голышом. Да, это было пикантно... но, похоже, собеседник имел в виду нечто другое. У него был вовсе не игривый тон.

– Даже теперь я надеялся, что еще можно все исправить и все тебе объяснить: например, о том, куда приводят благородные порывы человеческого сердца, попирающие закон. Как опасно вмешательство третьей стороны в игры ядерных держав. Что если бы у Кеннеди появился такой козырь, как ты, ему бы сложнее было пойти на уступки. А сейчас он с Хрущевым обмениваются телеграммами. Потому, что и без того никто из них не хочет атомной войны. Им придется научиться договариваться. И они договорятся.

– Ладно, – махнула рукой девушка. – Может быть, вы и правы, я не разбираюсь в политике. Но для чего-то у меня есть мой дар. Я должна служить людям – так помогите мне, мистер Оскар, подскажите... Какая же я не догадливая – для этого вы здесь?

– Это не дар, девочка. Это вывих... Все опасности, о которых я говорил, не страшны. Это болезни роста и они преодолимы. Но ты просто своим существованием разрушаешь устройство мира. Хотя ты и не виновата, девочка. Просто ты такова, какой ты рождена. Мы с тобой разберемся, что с этим делать. Сначала я хочу показать тебе одну особенную штуку. Это связано с твоим отцом.

– Он знает обо мне?! Что это за вещица? Покажите же скорее!

Оскар вынул из внутреннего кармана продолговатый футляр. Девушка нетерпеливо протянула руки.

– Ты увидишь. Просто открой его...

Лора торопливо приоткрыла пальчиками узкую крышечку и заглянула внутрь. Глаза ее расширились, на них навернулись слезы.

– Это – Разделитель. Ты очень сильная. В твоём случае тебе придется смотреть на него.

– Что со мной происходит? – прошептала Лора. Ее колени вдруг подкосились. Если бы мужчина не подхватил девушку, она бы упала.

С минуту Лора оставалась в его объятиях. Он участливо смотрел в ее лицо. Затем она отстранилась.

– Что вы со мной сделали? Кто вы? Вы – плохой человек, мистер Оскар.

У нее вдруг подвернулся каблучок. Девушка с удивлением посмотрела на туфлю-лодочку. Никогда у нее такого не случалось.

– Ты должна теперь быть осторожна, Лора Лейн, – сказал мужчина. – Тебе буквально придется учиться жить заново, даже ходить. Теперь у тебя нет свойства, что позволяло не подчиняться силе земного тяготения.

– Вы меня не знаете.

Девушка упрямо сжала зубы и пошла прочь. Она прихрамывала на одну ногу, но продолжала идти к краю небоскреба. Гравий хрустел у нее под ногами.

– Лора Лейн... – крикнул Оскар. – Смирись. Боги лучше знают, как вам жить.

Но Лора отчаянно бросилась вперед. Плащ за ее плечами хлопнул, мелькнул желтой вспышкой... Девушка подстреленной птицей полетела вниз.

3 глава.

Советский Союз. Скорый поезд «Москва-Свердловск»

Дима Верховников снял шляпу, стряхнул с нее дождевые капли и шагнул в открытую дверь купе. Сквозь собранные морщинами шторы он увидел перрон и маму. Она подслеповато заглядывала в окно соседнего купе, улыбалась и махала маленькой ладошкой в перчатке.

– Здравствуйте, товарищи, – сказал Дима, дернув у ноги дорожным чемоданчиком. – У меня девятнадцатое место. Это ведь здесь?

На его девятнадцатом месте расположилась блондинка лет тридцати. Судя по всему, устроилась основательно: постель была разобрана, покрыта клетчатым пледом, и она сидела поверх него, сняв туфли и уютно подобрала ноги под себя. Перед ней на столике был разложен пасьянс.

– Ах, я заняла ваше место, – делано удивилась дамочка, покосившись на табличку с номером. – Но ведь вы же, молодой человек, не откажитесь поменяться со мной местами...

– Конечно, конечно, – поторопился согласиться Дима. – Я и наверху прекрасно устроюсь.

Он только что шагнул из сырости вокзального перрона в уютную атмосферу купейного вагона, прошел из тамбура по красной ковровой дорожке, – мимо приятно пахнущего гарью котла, мимо приоткрытого закутка проводника – и находился в самом чудесном расположении духа.

Деловито поставив чемоданчик на антресоль, повесив мокрый плащ на вешалку, Дима уселся у дверей и огляделся.

Помимо блондинки в купе находилось еще два пассажира – то есть все места с его появлением теперь были заняты.

Возле окна – на двадцать первом месте, находился гражданин лет пятидесяти. У него было круглое лицо, небольшое брюшко и он был в пиджаке и при галстуке. Внешностью он немного напоминал спортивного комментатора Олега Озерова, но только держался строже, слова бросал скупо и, вообще, выглядел весьма солидно.

По тому, как гражданин поздоровался, Дима решил, что он должен быть каким-то начальником.

Четвертый пассажир, сидевший с газетой как раз напротив, был молодой мужчина не старше двадцати пяти лет. У него была аккуратная короткая стрижка, небольшие усики и внимательные карие глаза.

Он доброжелательно наблюдал, за появлением нового пассажира, а как только Дима устроился, сложил газету, протянул руку и представился:

– Меня зовут Оскар, будем знакомы.

– Дмитрий Верховников, очень приятно.

– Это какой же Верховников? – заинтересовался пассажир возле окна. – То есть, я хочу сказать: первый секретарь областного комитета, Николай Дмитриевич Верховников, не приходится ли вам родственником?

– Моего отца зовут Николай Дмитриевич, – охотно отозвался Дима, – но он учитель в средней школе и никакого другого Николая Дмитриевича Верховникова я не знаю.

– В самом деле? – с удивлением спросил солидный пассажир. – Неужели бывают такие совпадения? – Кажется, он подозревал, что молодой человек просто не хочет признаваться в близких отношениях с таким высокопоставленным человеком, так сказать, хочет остаться, в некотором роде, инкогнито.

– Уверяю вас – учитель... И я тоже – школьный учитель, как мой отец и моя мама. Я учитель математики.

– Куда же вы едете, молодой человек? Разрешите полюбопытствовать.

– Отчего же нельзя. Дело в том, что я только кончил педагогический институт, и еду учительствовать в сельскую школу.

– По распределению? Вот не повезло... – протянула блондинка.

– Почему же не повезло? – спросил пассажир с редким именем Оскар.

– По распределению, – подтвердил Дима спокойно, – но я сам специально просил, чтобы меня направили в сельскую местность. Через год курс окончит моя жена, и тоже приедет в это село. Нам обещали.

– Похвально, очень похвально, – сказал солидный пассажир.

– А вы знаете, что это такое – жить в деревне? Вы вообще жили в деревне? Ведь сразу видно, что вы городской мальчик, – блондинка протянула пальчик с красным ноготком в сторону Димы. – Интеллигентный мальчик. И вы тоже, Оскар... Вы, с таким именем, наверное, вообще из Прибалтики. Вот не знаете, а туда же. Деревня – это грязь по колено, это невозможная скука. Пойти можно только в клуб на кинокартину, которую в десятый раз привезли, или в сельпо. А в магазине знаете, что бывает? – только вечные макароны, сахар и селедка в консервах. Ах, водка еще, конечно... Ведь вам, поди, Митя, книжки подавай, театры. Вместо этого будут танцы народов мира по телевизору, а во дворе куры, гуси и помет. Пожалеете скоро. Все из деревни, а вы в деревню. Еще и жену за собой тащите: бедная девочка...

– Что это вы, девушка, набросились? Все чёрной краской поливаете, – возмутился солидный пассажир. – Где это вы такого набрались? Вы знаете, как выросло благосостояние колхозника! Когда вы последний раз были в деревне? В каждом дворе – корова, телевизор... не знаю, транзистор. У моего деверя – механизатора – мотоцикл с коляской! Училища для сельской молодежи кругом пооткрывали. Клубы. А вы тут...

– Ах, как это скучно...

Блондинка сунула ноги в туфли-лодочки, поправила прическу и направилась к выходу. До двери было всего два шага, но она умудрилась их пройти с таким внутренним превосходством, а еще, с такой сексапильностью, что... только диву даешься. Умереть-не встать.

– Ничего себе, – сказал солидный сосед, когда за блондинкой закрылась дверь. – Ничего себе! Какова Мерлин Монро!? А коленки видали? Специально ведь выставила на всеобщее обозрение. У меня даже очки запотели... Вы это, ребята, – у него на коленях вдруг возник пузатый портфель, щелкнул замок клапана. – Давайте, что ли, немного скоротаем время. – Из темного зева высунулось узкое горлышко поллитровки.

Дима категорически замотал головой. Оскар вежливо отказался.

– Ну, что вы, товарищи, – расстроился хлебосольный пассажир. – Коньячок. Армянский. Пять звездочек. Чисто для знакомства, по семь капель. И говорить не о чем.

– Ну, если по семь капель... – согласился вдруг Оскар.

– Вот это дело!

На столике появилась бутылка с этикеткой цвета горчичника, круг полукопченой колбасы, хлеб. У запасливого пассажира даже нашлись специальные дорожные рюмочки.

Дима, чтобы не мешаться и не глазеть попусту, стал раскладывать постель на верхней полке. Внизу звякнули металлические стопки.

Солидный пассажир представился, как Ситников Николай Палыч. Заместитель директора автобусного парка. По снабжению. (Ага, подумал Дима, – опытный пассажир). Возвращается он, соответственно, из служебной командировки по налаживанию, так сказать, связей с поставщиками.

У Оскара действительно оказалась прибалтийская фамилия: Оскар Робертович Поуляйте. Молодой мужчина сообщил, что он – инженер и также едет по делам, но характер своей деятельности и цели поездки разглашать не может.

– Это мы понимаем, – сказал Николай Павлович, подмигнув. – Мирный атом, щит отчизны, и все такое.

Дима вернулся на прежнее место, достав из чемоданчика книжку. Внимательнее посмотрел на прибалта. Ему было интересно встретить настоящего ученого. Может быть исследователя. Оскар неопределенно качнул головой.

– Да, в таком мире мы живем, – философским тоном протянул снабженец. – Таковую войну перемогли, такую силу преодолели – живи и радуйся. Нет, империалистам все неймется. Никак из-за этого мы не можем заняться нашим главным делом...

Николай Павлович перочинным ножиком с узким лезвием нарезал на газетке аккуратные колечки колбасы; по купе распространился крепкий запах «Краковской». У Димы потекли слюнки, он торопливо зашуршал страницами книги, отыскивая нужную.

– Это, каким же? – поинтересовался инженер.

– Строительством коммунизма! – снабженец смотрел почти удивленно. – «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»* – процитировал он. – Я в это верю и жду. Надеюсь сподобиться. Но вы-то, молодые люди, точно застанете – счастливычки. Конечно много, очень много еще предстоит сделать, много нам еще не хватает: и того, и сего, запчастей вот – не знаю уж, почему нужно добывать их с боем. Но это ничего, все – ничего. Главное – настрой, главное – правильная установка. А вот раньше... – ножик в его руках замер – раньше бы я посмотрел, на какой газетке обедаю. Нет ли там какого портрета, а то ведь можно и того... Вот времечко было. Вы не знаете. Не застали. А уж за такие разговоры, как наша дамочка тут... Культ личности. Он конечно – да. Это мы преодолели и осуждаем. Но люди вели себя построже. Еще по одной? («... при коммунизме»* – фраза из доклада Н.С. Хрущева на XXII съезде КПСС)

Дима знал, о чем говорит Николай Павлович, очень хорошо знал.

Отец его Лиды – Петр Ефимович, ведь тоже побывал там. Восемь лет тесть провел на строительстве Норильского металлургического комбината. И такие дела, что не по своему желанию. Вернулся, когда дочка уже в школе училась. После двадцатого съезда. Весь седой, половина зубов – железных, рука покалечена. Но при этом бодрый и даже жизнерадостный. Словно у него не забрали, ни за что, ни про что, часть жизни... Диму очень хорошо принял, с удовольствием резался с ним в шахматишки. Всем интересуется: и театром современным и музыкой, а литературой – так запойно. В складчину на две семьи покупали книги у перекупщиков на рынке. Детективчик этот – так же приобретен. После прочтения всем семейством устраивали своеобразную лотерею, чтобы определить, где новый томик найдет свое законное пристанище.

Так что выдержал Петр Ефимыч и остался прежним советским человеком. Только когда при нем вели восторженные разговоры, у него появлялся этакий ироничный прищур...

Дима всегда думал, а он смог бы так? Не озлобиться, не закаменеть сердцем?

Верховников понял, что уже несколько раз читает один и тот же абзац. Он полез на верхнюю полку.

Глава так и осталась недочитанной. Наверху казалось, что вагон раскачивается гораздо сильнее; та-да – та-да, та-да – та-да: под стук колес и обстоятельный рассказ снабженца о перипетиях в его последней командировке, Дима провалился в дрему.

Когда он проснулся, купе заливал малиновый свет. Дима свесил голову вниз.

Внизу на своем месте был только один пассажир... будущий педагог Верховников не смог припомнить ни его имени отчества, ни фамилии – это, конечно, никуда не годилось. Как же он будет запоминать фамилии своих учеников: двадцать пять, тридцать фамилий за раз. Неве-

роятно. Нужно будет найти какую-нибудь методу... В общем, на своем месте остался только солидный пассажир, то есть – снабженец. Остальные куда-то разбрелись.

Солидный пассажир уставился в окно, подпер тяжелый подбородок рукой. Водянистые глаза тонули в бездумной печали. За окном проплывало безбрежное открытое место – то ли поле, то ли степь – не разберешь; солнце светило в глаза, и на фоне пронзительного заката все на земле почернело и потеряло краски. Ясно видны были только телеграфные столбы: десятки столбов, сотни, и все как один – кривые.

Откуда на человека навалилась такая тоска? Наверное, ее разливают по бутылкам с горчичными этикетками. А он – нет, он бодр. Хорошо все-таки быть молодым! Дима счастливо потянулся и почувствовал голод.

А почему бы ему не сходить в ресторан?

Нет, конечно, у него было в чемоданчике что перекусить – мама позаботилась. Но пирожки с яйцом и зеленым луком можно оставить и на утро, умять их с чаем, а когда еще представиться такой случай – посетить настоящий вагон-ресторан? Поужинать, как в кино. Была, конечно, правда в том, что говорила эта дамочка... чего уж там. Он долго теперь не увидит крахмальных скатертей.

Дима не первый раз ехал на поезде – были в детстве поездки с родителями на юг, и на свадьбу к родственникам, – но это была его первая самостоятельная поездка. И деньги, кстати, у него имелись, не разорится же он там, посмотрит в меню. Раз уж так вышло, что билет купили родители, (купейный, сам-то он обошелся бы плацкартным...) то нужно соответствовать, так сказать, социальному статусу. Без всякой иронии. А что? Молодой специалист, предметник... Эх, кутить, так кутить!

Дима спрыгнул вниз. Причесался у зеркала на откатной двери. Сосед и головы не повернул – спит что ли? Секундная задержка на выходе: надевать пиджак, или нет? – все-таки надел, – и он вышел из купе.

В коридоре Дима завертел головой – куда идти? У них четвертый вагон, а вагон-ресторан должен быть в середине поезда. Определил положение и осторожно двинулся вперед; пол качался на стрелках, вдоль всего коридора шумно бегали в догонялки мальчишка с девчонкой. У девочки на хвостиках – огромные банты, у мальчика – восторг в глазах. Посторонись! Запросто все ноги отдавят.

В соседнем вагоне – неожиданная встреча, забавный случай: их дамочка, ну, которая Мерлин Монро, стоит у окошка бок о бок с военным моряком – офицером. Красавец мужчина, в черной форме, щегольские усики, на рукавах золотые канты, звезды, якоря, и глаза у него какие-то совершенно удивительные – янтарные, что ли...

Блондинка ничего на свете не видела кроме своего собеседника. Диме пришлось извиняться, протискиваясь мимо. Монро взглянула на него, как на досадную помеху, лишь на миг – не узнала, конечно. Куда там, если рядом такой видный кавалер.

– Видите ли, Тамара, какой со мной забавный случай приключился, – успел услышать Дима слова моряка, – вагон переполнен, а я еду в купе совершенно один, не с кем и словом перекинуться...

Ресторан оказался точно таким, как в кино. Белые занавесочки, с контурами синих чаек, – птички колышутся, раздуваемые приоткрытым окном. Скатерти – ну, не крахмальные, но довольно чистенькие, зеленые фонарики по столикам, фарфоровые солонки и горчишницы; неожиданно просторно, хотя людей довольно много – столики почти все заняты. Приятно, в общем...

На входе находилась стойка с очень озабоченным официантом, или кто он там... в белой курточке – лишний раз не взглянет:

– Проходите, гражданин. Вон там место есть. – Дима немного растерялся и не сразу его увидел. Получив в руки картонный лист с прикрепленным к нему меню, уселся за указанный столик.

Буквы, набитые на печатной машинке через третью копирку, были бледно-синюшные, напоминали отчего-то трупки кур, уложенных скорбным штабелем в продмаге. Названия блюд улавливались с трудом... Ага: борщ, пюре – это понятно... гуляш – нет, спасибо; рожки – идти в ресторан за рожками? О! Котлета по-киевски. В голове возник образ пузатой котлеты, вываливающейся в оранжевых сухарях, хрустящей и одновременно необыкновенно нежной внутри.

Дима однажды в своей жизни отведал такую и, представьте себе, именно в городе Киеве, когда они, много уже лет назад, ездили с родителями на море, в Одессу.

У него мгновенно потекли слюнки; даже запахло сливочным соком, которым это кулинарное чудо должно быть наполнено.

Ну, раз так, то можно заказать и бокал сухого вина. Дима был готов сделать заказ и нетерпеливо оглянулся на стойку. Конечно, официант (все же, можно его так называть?) был очень занят. Он принимал заказ... как раз у его соседа по купе, приятного инженера – Оскара... фамилия была слишком сложной, чтобы запомнить с первого раза. Опять проснулось беспокойство: как же он, в самом деле, будет запоминать своих учеников?

Инженер Оскар расположился впереди, в другом ряду, и делил столик с приятной шатенкой. Она была в брючках и тонкой кофточке, по-восточному скуластенькая и показалась Диме смутно знакомой. Хотя в последнее время такая модная прическа – с шиньоном на затылке – смело завоевывает головки советских девушек: они без сожаления отрекаются от кос и перманентных завитушек.

Не похоже было, что Димин сосед банально клеится. Скорее уж, он поддерживал вежливую беседу. Не было этих игривых улыбок, и прочего. Наоборот: инженер говорил с серьезным выражением лица, как показалось Верховцеву, даже чуть печально. Диме ужасно захотелось узнать, о чем же таком мог говорить инженер Поуляйте (всплыла фамилия!), что девушка так внимательно слушает, да еще смотрит на него таким замороженным взглядом, не замечая ничего вокруг.

– Что будете заказывать, гражданин? – рядом возник парень в белой курточке. Несмотря на то, что вагон ощутимо раскачивался (очевидно, проезжали целое скопление стрелок), официант стоял незыблемо, как моряк на палубе.

Дима сделал заказ. Попытался.

Оказалось, что котлет по-киевски вагон-ресторан предложить уже не может. А вино – пожалуйста. Но может быть, лучше пиво? Потому что пиво как раз поступило: Жигулевское и очень свежее.

Дима растерялся. Запасной вариант он как-то не предусмотрел. Взять что ли гуляш и пиво? Оказалось, что гуляш тоже закончился.

– А что же тогда у вас есть? – спросил молодой учитель.

– Так возьмите же яичницу с колбасой, – не отрывая глаз от блокнота, предложил парень.

Дима согласился на яичницу и пиво, чем, несомненно, угодил официанту:

– Из двух яиц? Из трех? Свекольный салат? И селедочку с лучком вам принесу, как раз будет.

Было приятно выглядеть покладистым, интеллигентным пассажиром. Верховников откинулся на мягкую спинку и подставил лицо воздушному потоку. Железнодорожный ветерок пах черешней и дымком.

– Белла, почему же вы уходите?

Девушка с шиньоном стояла в проходе совсем рядом с Верховниковым. Инженер держал ее за руку. Между ними явно происходила какая-то сцена.

Диме было неловко обнаружить себя свидетелем. Он опустил глаза.

– Знаете, Оскар Робертович, это забавная игра затянулась. Вам изменило чувство меры. Если это такой прием, то он не смешной. И совершенно не уместно требовать от меня бросить писать стихи. Эта шутка – глупая. Зря я вам доверилась. Вы не знаете, как легко ранить в начале пути. И при чем здесь – «честное комсомольское»? Пошлость какая... вы не понимаете этого?

– Ну, я сморозил не то... Белла, послушайте...

Девушка досадливо махнула рукой, мелькнул острый локоток.

Инженер отступился. Вернулся на свое место. На него бросали заинтересованные взгляды, он отвечал рассеянной улыбкой. Покрутил в руках столовый нож, бросая короткие блики, потянулся за бокалом.

Массаракш! Дима почувствовал, что слегка вспотел. Было у него это свойство: когда на его глазах с каким-нибудь человеком происходила неловкая ситуация, он вдруг представлял себя на его месте и остро переживал происходящее. Это называется – «испанский стыд».

К его большому облегчению, официант как раз принес в алюминиевой тарелке яичницу и запотевшую бутылку пива. Перевернутый стакан на горлышке тускло позвякивал.

После ресторана Верховников долго стоял в чем-то чужом тамбуре. За окном уже наступила ночь. Голубые, далекие огоньки, обозначающие людские жилища, медленно ползли к краю окна.

Диме хотелось, чтобы, когда он вернулся в купе, все его попутчики уже улеглись и он был бы предоставлен сам себе. Он уезжал из своего дома навсегда. В другие, дальние края. Дима Верховников хотел прочувствовать и запомнить этот день. Не торопясь. Ведь это важный момент в его жизни – один из самых главных. Несмотря на то, что в словах попутчицы Мерлин Монро, – или, как теперь выяснилось, Тамары, – было довольно много справедливого, его это не очень заботило. Его не пугало то, что он потеряет удобство привычного мира. Дима даже хотел этого. Все выглядело честно, и это была разумная плата за перемены. Глубоко зашитый под кожу инстинкт, подсказывал Диме – чтобы получить свою собственную судьбу, нужно отправиться в дорогу.

В купе на своем месте опять находился только солидный пассажир – Николай Павлович. Он спал, отвернувшись к стенке. Его пузатый портфель торчал краем из-за подушки. Постель блондинки была даже не тронута. Ну, здесь все понятно. Видимо, она разрешила себе не устоять перед суровым обаянием морского офицера. Инженера отчего-то не было тоже.

Он появился, когда Верховников успел устроиться на своем месте. Сосед вернулся огорченный. Похоже, он все еще переживал из-за произошедшего в ресторане.

– Не спите? – спросил Оскар. Он аккуратно повесил на плечики снятый пиджак и растянул рубашку. Его пальцы ловко пропускали пуговицы через тугие петли, а лицо выражало погруженность в сложные размышления. – Люди. Что может быть более сложнее, чем люди. Кого не возьми...

– Да, конечно, – отозвался Верховников.

– Реакции на события не просчитываются, не угадываются. Можно предположить, что угодно, но лишь не то, что произойдет на самом деле. Выходит даже, что можно исходить от обратного: именно тот вариант, который не приходил в голову и будет воплощен в жизнь. – Инженер поднялся на свою полку.

Видимо Оскар заметил там... тогда, что Дима был свидетелем сцены. Поэтому теперь он и говорил эти слова.

– Почему же...

– Да, именно так. Похоже на то, – пробормотал сосед.

Верховникову одновременно хотелось узнать всю историю: что же произошло у инженера с той девушкой, и чем все кончилось – ведь он где-то пропадал после ресторана. И в то же время он немного побаивался обнаружить что-нибудь... нет, не неприятное, а что-нибудь такое, из-за чего этот симпатичный Диме инженер – Оскар Робертович, упадет в его глазах. А ему этого очень бы не хотелось.

– Вот, например, вы... – сказал собеседник. – Вы – случайный попутчик, и мы уже с вами никогда не увидимся.

– К счастью, этого никто не может знать, – философски заметил Дима. – Впереди еще целая жизнь. И у вас, и у меня. Может быть, когда-нибудь и встретимся.

– Нет, не встретимся, – припечатал инженер, коротко на него взглянув. – Вот вы, как лицо случайное и постороннее, скажите мне, может быть, вы сможете мне помочь: готовы вы отказаться от чего-то в себе – от какого-то свойства, которое вы до конца четко не осознаете, – ради того, чтобы целый мир продолжил свое правильное движение?

– Хм... Я не совсем понимаю, что вы хотите спросить. – Дима не очень удивился. По студенческой поре у него с товарищами очень часто завязывались подобные философские разговоры, нередко перетекающие в горячие споры. Хотя это больше случалось на первых курсах. – Какое свойство, и что такое – правильное движение? К коммунизму?

– Да, здесь нужно говорить без обиняков, или не говорить вовсе, – признал собеседник. – Начнем отсюда: вот вы, на что вы планируете потратить жизнь? Ведь она у вас довольно ограничена в сроках.

– Ну как же, Оскар, я – учитель: а значит, сеять разумное, доброе, вечное...

– И вы в это верите?

– Избитые слова, практически штампы, – посерьезнел Дима. Он только постарался, чтобы в его интонациях не появилось пафоса. Тесть отучил его. – Но ведь вы, интеллигентный человек, специалист, – понимаете необходимость образования. В самом широком смысле этого слова... Вы должны знать, что это не прекрасодушие, не просто лозунг. Если мы хотим, чтобы на Земле больше никогда не повторилась такая ужасная война, мы все должны желать, чтобы люди переменились. Чтобы они стали таковы, что не смогли бы убивать друг друга. А со мной все просто. Если у человека нет предназначения, – я имею в виду высокой, не сиюминутной цели, – то зачем он живет...

Дима посмотрел на соседа. Инженер лежал тихо, положив руку, сжатую в кулак, тыльной стороной себе на лоб.

– Вы не согласны? Вы считаете, я – наивный мечтатель? – тихо спросил Дима.

Колеса без устали отчеканивали расстояние на стыках рельс; вагон покачивался; за окном в черноте медленно ползла очередная синяя искра.

– Но ведь нас таких тысячи, миллионы... Мы такое поколение. Мы хотим этого и готовы от многого отказаться. А в человеке все есть. «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй»*. Нельзя ему отдать и нынешних ребятишек, вы понимаете это? (...*стозевно и лайй*)* – эпиграф к «Путешествию из Петербурга в Москву» А. Радищева)

– Я вам скажу... – инженер повернул лицо к Верховникову. – Если вы готовы меня выслушать. У меня тоже есть высокая цель.

– Я готов. Но если это – государственная тайна...

– Это – тайна, но совсем другого рода. Мне не запрещали о ней рассказывать. Сам характер информации таков, что широкое разглашение не будет способствовать успешному исполнению моей функции. Я сам накладываю на себя ограничения. Но почему бы мне не поделиться с вами – с прекрасным и чистым человеком, тем, ради чего я существую.

Дима покраснел. Хорошо, что собеседник этого не видел. У него сейчас должно было быть совершенно глупое выражение лица. Если не самодовольное.

– Начну с самого главного, – сказал Оскар. – Приготовьтесь. Я не человек...

– Что вы под этим подразумеваете? – Собеседник сделал паузу, чего-то явно ожидая, а Дима не понимал, куда он клонит.

– Я буквально это и хотел сообщить. Я не человек.

– А кто же вы? М-м... инопланетянин? – Дима постарался, чтобы его голос звучал ровно. Он не хотел задеть любопытного попутчика. Он понимал, что это какая-то необычная игра, может психологическая. И начинающий учитель пытался найти верный тон, ему было очень интересно и не хотелось эту игру испортить. Он даже успел подумать, как будет рассказывать об этом происшествии Лидочке.

– Нет. Я никогда не покидал пределов этой планеты, – инженер повернулся к Диме лицом. Они лежали совсем рядом, чтобы дотронуться до собеседника, нужно было лишь протянуть в темноте руку. Но и темнота была не полная: белые подушки, простыни лежали, словно зимние пейзажи в ночи, – достаточно было далекого фонаря, пробегающего за окном, чтобы они уловили его слабый свет и разлили призрачным свечением по купе. А иногда мимо проносился переезд, и тогда все вспыхивало оранжевым, болезненным...

– Вы хотите, чтобы я угадал? – спросил Дима.

– Вы не угадаете. Я сам скажу. Меня создали очень давно, если смотреть по стреле времени назад, и совсем скоро, если смотреть вперед, – чуть больше полувека.

Дима почувствовал необыкновенное удовольствие от этой фразы. Он постарался ее запомнить, чтобы потом повторить Лидочке... а может быть и Петру Ефимовичу.

– Вы слушаете?

– Да. Да. Продолжайте, пожалуйста.

– Если считать, что это событие было в прошлом, а ведь именно такой порядок привычен людям, то при моем создании великие египетские пирамиды еще не были построены, значит, будет уместно называть меня големом. Хотя само слово звучало иначе... Вы, наверное, хотите быстрее услышать продолжение, но в этой истории именно я являюсь ключевым элементом, и мне хотелось бы точно себя позиционировать.

– А если считать, что вы созданы в недалеком будущем, – Дима принял условия игры, – то вас следует называть – роботом. Отсюда ваше отчество – Робертович?

– Отчество... не знаю. Случайно. Робот – больше соответствует текущему времени, но, признаюсь, оно мне не нравится. В будущем превалирует слово «бот»... Тоже, знаете... Я бы предпочел, чтобы меня называли по имени.

– Хорошо, Оскар, – сказал Дима. – Я понял, что вы искусственно созданный человек. И созданный очень искусно...

– Спасибо.

– И что же вы делаете в скором поезде «Москва-Свердловск»? Куда вы едете и с какой целью? Если уж мы идем по порядку.

– Моя цель находится в соседнем вагоне, Дмитрий. Вы ее видели. Это начинающая поэтесса Белла Агарипова.

– Так значит, это была Белла Агарипова! – негромко воскликнул Верховников. – А я гляжу – знакомое лицо. Как интересно!

– Вы ее знаете?

– Случайно... То есть, ее стихами зачитывается моя жена; она мне про нее много раз рассказывала, и я видел ее фотографию в журнале. Знаете, такая совсем маленькая черно-белая фотография. Но стихи замечательные. Совершенно... неожиданные. И еще что-то происходит с тобой, после того как ты их прочтешь... Даже не знаю. Людей по-другому воспринимаешь, или что... Душа, словно оголяется... и мир вокруг – уже другой. Даже погода меняется – честное слово...

– Вот видите, – сказал с непонятной интонацией Оскар. Как будто... обвиняющей...

– У вас что-то произошло с ней. Там в ресторане? – осторожно спросил Дима. – Вы хотели с ней познакомиться? Вы тоже поэт? И она, по-видимому, нелестно отозвалась о ваших работах... – Диме это казалось логично. Поэтично и логично. Творческие люди, удар по самолюбию, и вот непризнанный поэт фонтанирует обиженным талантом перед попутчиком. Ищет утешения.

– Вы все еще мне не верите, – сказал Оскар. В его голосе не было обвинения, только констатация факта. – Я познакомился с ней, чтобы предотвратить худший исход. Болезненный – и для нее и для меня. Она отказалась. Белла не допустила даже малейшей возможности, даже гипотетической, что может при каких-то обстоятельствах последовать моему предложению. Все бесполезно. Каждый раз мои увещания ни к чему хорошему не приводят. И, боюсь, не могут привести.

– Каждый раз? О чем вы?

– Это уже было, – сказал печально собеседник. – Только за последние пару веков: частный детектив Кельвин – не знаю, как он пережил мое вмешательство. Боюсь, что я сломал ему жизнь. Возможно, и его другу тоже...

– У нас есть частные сыщики?

– Это было в викторианской Англии... Затем Алендро Алем – начинающий политик в Аргентине. Он поверил во все и сразу, и даже пытался со мной торговаться... Затем милая девушка Лора Лейн Копач. – Уже знакомым жестом Оскар положил руку на лоб. – Это было недавно, вы уже учились в своем педагогическом институте. Какая была удивительная девушка.

– Что случилось с ней?

– Она погибла.

Дима не знал, что сказать. Игра пошла куда-то не туда.

– И еще, и еще... и снова это повторяется. Я знал. Мне не следовало даже пытаться. Не нужно стараться быть хорошим человеком. Нужно быть плохим, если необходимо. Действовать нужно решительно, как и положено функции. Пришел, исполнил, и к следующему объекту. Создатель хочет получить результат, а не мои рефлексии.

– Какую же вы несете в себе функцию? – Дима напомнил себе, что в его голосе не должно быть иронии. Спокойный тон, рассудительные интонации. Игру нужно вести правильно. – Чего хочет от вас ваш создатель?

– Теперь, когда вы можете понять мою природу, можно двигаться дальше. Ваш мир, уважаемый Дмитрий Николаевич, устроен вовсе не так, как вы привыкли думать. Он, скажем так, исполнен несколько сложнее. И как сложной системе ему угрожают изменения. Мой создатель хочет, чтобы я сохранил ваш мир в нынешнем виде, чтобы он оставался в текущей логической системе. Так что я являюсь вашим хранителем и защитником.

– От кого? Вы назвали этих людей: это они угрожали нашему миру? И поэтесса Белла Агарипова тоже в этом списке? Что же в них опасного?

– У них есть непозволительный дар. Он действует в соответствии с логикой другого мира, решительно отделенного от нашего, а значит всякий раз, когда эти милые и добрые люди, проявляют свой талант, они подвергаются испытанию базовые основы этого мира. Моей целью вовсе не является лишение их жизни. Я только должен освободить их от ментального вывиха. Вот здесь под рукой у меня и лежит Разделитель, – собеседник похлопал по наволочке ладошкой. – С его помощью я отделяю рациональную природу человека от несвойственных ему возможностей.

Дима автоматически бросил взгляд на руку собеседника и вновь поднял глаза к потолку. По нему пробежали быстрые всполохи.

– И все же в этом есть что-то неправильное: избавление людей от вложенных в них талантов. Это похоже на выхлощивание, извините за такое сравнение, – на кастрацию.

– Мне больше нравится другой сравнительный ряд: опасной опухоли и врача. Хирурга, который отрезает инструментом злокачественную плоть, чтобы весь организм жил.

– Вы врач?

– Я инструмент.

Помолчали.

– Да, вам не позавидуешь. Выходит, моральная дилемма.

– Я функция, – повторил инженер. – Было бы проще не утруждать себя подобными размышлениями. Но если не выходить за рамки своих обязанностей, мои возможности будут сильно ограничены. Это может навредить делу. Понимаете? Моральные терзания, как плата за расширения функционала... Я не жду от вас отпущения грехов. Я вполне способен сам справиться с этим. И вы только подумайте, – Оскар повернулся и привстал на локте, – у меня действительно есть оправдание: если система позволяет мне так грубо в нее вторгаться, если она не сопротивляется вмешательству, значит все верно. Иначе был бы ответ другой стороны! Защитная реакция. Обязательно! Значит, я в праве, и я не плохой... человек.

Сказать Диме было нечего. Его собеседник, по-видимому, эти мысли давно обкатывает. Инженер снова положил голову на подушку.

– Вы тоже специалист, Дмитрий. А значит, функция. Как вы считаете?

Дмитрий Верховников задумался о том, что его профессия тоже никак не сводится к простой функции, она требует тонкого мастерства. Ведь в учениках, для которых он будет не только преподавателем начал науки, но и наставником, будет много всего: и таланты и зарождающиеся пороки. Он будет обязан лелеять ростки доброго и выпалывать душевные сорняки. Всегда ли можно твердо быть уверенным, что борясь со странными движениями души маленького человека, ты не уничтожаешь что-то необыкновенное, новое?

– Это ведь не один раз изобретено – разделение, – сказал Оскар. – Вот ваш Иван Грозный, реформируя аппарат управления, ввел опричнину. Чтобы отделить верное устройство государства от неверного... Оприч, то бишь разделение.

– Плохой пример, – поморщился Дима. – Про Грозного...

– Да?

Проснулся Верховников от того, что поезд стоял.

Через неплотно задернутые шторы в купе проникал яркий оранжевый свет фонарей. На часах было начало второго. Дима прильнул к окну. Они были на станции. Довольно большой – здание вокзала (оно осталось чуть позади) было выполнено в стиле послевоенного ампира, вывеска отсюда не читалась. Он хотел снова положить голову на подушку, но увидел на перроне фигурку девушки: характерную прическу с шиньоном на затылке, тонкий свитерок с поднятыми до острых локтей рукавами, и узнал собеседницу Оскара, поэтессу Белу Агарипову. В руке у нее был небольшой чемоданчик.

Верховников тут же неосознанно посмотрел на спальное место напротив. Соседа не было. Диму захлестнуло тревожное чувство. Ему показалось, что он смотрел на это опустевшую постель очень долго – чуть ли не минуты, но когда он перевел взгляд за окно, женская фигурка все еще была видна; девушка уходила по перрону к зданию вокзала.

Дима торопливо натянул штаны и вставил ноги в туфли, завязывать их было некогда; рубашку он застегивал уже на бегу, выскочив на перрон. Пиджак болтался на одном плече.

Верховников увидел именно то, чего боялся и во что не верил: вслед за девушкой, еще довольно далеко, но быстро сокращая расстояние, шел его ночной собеседник – Оскар Робертович Поуляйте. Ошибиться было невозможно: удивительно аккуратная прическа – волосок к волоску – вспыхивала вороненым глянецом под очередным фонарем.

– Гражданин! – Верховников оглянулся.

К нему обращался милиционер. Рука приставлена к фуражке, серо-голубой форменный плащ застегнут на все пуговицы. Лицо волевое и в то же время очень интеллигентное – лейтенант до удивительного был похож на актера Вячеслава Тихонова, только сильно моложе. – Гражданин, поезд «Москва-Свердловск» стоит на станции только пятнадцать минут. Будьте внимательны – не отстаньте от поезда.

Решение пришло тут же:

– Товарищ лейтенант, вы должны мне помочь! – выпалил Дима.

– Что случилось?

– Возможно, готовится преступление...

– Так... – милиционер нахмурился. – Старший лейтенант Шпаликов. Гражданин, попрошу предъявить ваши документы.

– На это сейчас нет времени, лейтенант. Я могу ошибаться. Даже наверняка ошибаюсь – пусть так. Но возможно девушке – она только что зашла на вокзал – угрожает опасность. Она – поэтесса. Вот видите, тот парень – он что-то затеял нехорошее. Он сам мне сказал, только я думал, что он шутит. Прошу вас, Шпаликов, – нет времени. Помогите мне остановить его...

Дима уже успел пожалеть, что обратился к милиционеру. Лейтенант смотрел на него с подозрением. Нужно было кивнуть на дежурное предупреждение служителя порядка и спешить дальше. А теперь от него не отвяжешься. За одним вопросом последует следующий. Эх!

Но милиционер вдруг среагировал. Видимо, что-то в словах Димы или в интонации было настоящее – заставляющее действовать.

– За мной! Быстро! – воскликнул лейтенант. И, схватившись пальцами за фуражку, первым побежал к вокзалу. Дима – за ним. На бегу он увидел кобуру на поясе у милиционера. Ему вдруг, представилось, что это совсем, как в кино: не может в реальной жизни такое случаться по-настоящему. Не с ним. Конечно, это недоразумение. Ошибка. И как же будет неловко. Дима глянул на милиционера.

Лейтенант истолковал его взгляд иначе:

– Ничего, не волнуйся. Там – зал ожиданий и буфет. Везде люди.

Ужас! Дима прямо видел эту картину: они вбегают, лейтенант – с пистолетом в руке, а инженер Оскар Робертович заворачивает в бумагу вареную курицу, купленную в буфете...

Задержались на секунду у дверей – тяжелые створки были прикрыты. В полутемном вестибюле (это был не главный вход) горел плафон со значком уборной, дальше слева висела табличка «Зал ожиданий поездов дальнего следования», справа – вывеска «Буфет». Наверх за спину шла широкая неосвещенная лестница.

– Там ресторан, он закрыт, – бросил лейтенант. – Я – в зал, ты – в буфет!

Милиционер, не оглядываясь, поспешил налево. Под вывеской он с бега перешел на быстрый шаг. Дима пересек пространство вестибюля и вошел в буфет.

Почему-то первое, что увидел Дима, был высокий столик, за которым стояла Белла Агарипова. Хотя он находился в неприметном месте, возле дальней стены. У девушки было ужасно растерянное лицо, бледное, даже на фоне светлых штор.

Возле нее стоял инженер Оскар. В ладони у него лежала продолговатая коробочка, а рука была приподнята таким образом, словно он преподносил поэтессе подарок.

– Слава Богу, это всего лишь недоразумение, – подумал Дима. Для него все выглядело, как отчаянный поступок отвергнутого поклонника. Последний шанс завоевать внимание капризной девушки.

Он в секунду успел оглядеть глазами буфет. Обычное заведение – скорее даже, кафетерий. Две освещенных лампами дневного света холодильные витрины: с белыми, с уложенной горкой пожаренной любительской колбасой, вареными яйцами, сырками, бутылками кефира и

лимоиана. У настольных весов – полнотелая буфетчица в условно белом переднике и кокошнике. Деревянные счеты, тарелка для сдачи.

С десяток высоких столиков, по позднему времени только за двумя, стоя, ужинают-перекусывают мятые посетители...

– Оскар, остановись!

Дима повернулся на резкий выкрик.

В дверях буфета стоял давешний офицер – моряк с янтарным взглядом. Он и теперь был в чёрной морской форме.

Верховников перевел взгляд на столик поэтессы. Белла теперь стояла у стены, она прижималась к ней всей спиной, словно хотела вжаться в нее, спрятаться. Она отворачивала лицо от инженера, от его руки и того, что было в ней, как отворачиваются от электрической сварки, оберегая глаза.

– Голем, стой!

Оскар Поуляйте неохотно оборачивался на возглас. Футляр в его руке был приоткрыт. Вторая рука инженера бережно придерживала узкую крышечку футляра в открытом положении. А в футляре что-то блестело. Живое и яркое, как ртуть.

От этого изменчивого цвета у Димы в груди появилось странное ощущение. Его нельзя было назвать никаким словом. Определение просто не находилось. Но когда Верховников был маленький, еще даже не умел читать, его укладывали спать с книжкой, у которой были черные страницы. На этих пугающих страницах с ровными столбиками слов были нарисованы искалеченные, перекошенные звери, и родной мамин голос читал страшные стихи о скрюченных дорожках, по которым вечно гуляют скрюченные волки... Сердце замирало в груди, и было именно такое же необъяснимое чувство. Словно всю радость мира убрали с твоей дороги впереди... навсегда.

– Остановись! – офицер шел на инженера. В руке у него горел серебром обнаженный клинок. Морской кортик. Пустые черные ножны с блестящими золотыми кольцами покачивались на бедре у чёрного мундира.

– Что вам надо!? – лицо инженера удивленно вытянулось.

– Закрой разделитель!

– Вы не понимаете... Кто вы?!

От моряка до инженера Оскара оставалось только пару шагов. Но Дима облегченно вздохнул: поэтесса Белла Агарипова, воспользовавшись тем, что ее экзекутор отвлекся, выскочила в другую дверь. Позабыв возле столика, свой клетчатый чемоданчик, перчатки, сложенные на нем, одна на другую... но зато ей больше ничто не угрожало.

– У тебя не вышло. Спрячь жало, – сказал моряк.

Оскар скосил глаза на опустевшее место за столиком, послушно закрыл футляр и осторожно сунул его во внутренний карман.

– Значит, это ответ, – сказал он.

Моряк ударил кортиком. Дима вытаращил глаза, но инженер легким движением, очень точным, отбил руку с оружием. Отступил на шаг назад.

– Ответ другой стороны, – сказал Оскар. – Наконец-то.

Моряк взлетел в воздух одним ловким прыжком и ударил клинком сверху. Инженер отбил и этот удар, но оказался прижат к стене. По высокому сводчатому потолку, по громоздкой лепнине бегали фиолетовые кляксы, что-то фиолетовое поблескивало и в воздухе. Дмитрий Верховников забыл, что нужно дышать.

Вдруг пронзительно и невероятно громко закричала буфетчица:

– Прекратите хулиганство! Милиция!

Голос был такой непреодолимой силы, что на него оглянулись все. Даже, кажется, стекла задрожали в большом окне. Распахнулись двери, ведущие в вестибюль. В них стоял лейтенант Шпаликов.

– Граждане, что здесь происходит! – крикнул он. – Соблюдайте порядок!

Раздался грохот. Дима перевел взгляд обратно.

На месте схватки лежал опрокинутый столик. Тяжелая стальная ножка крестом смотрела в Димину сторону. Морской офицер тоже находился на полу. Он сидел, неловко подогнув одну ногу под себя. Рядом на цементной плитке, неубедительно имитирующей мрамор, лежал серебристый кортик.

Инженера не было. Там где он раньше находился, развевала белый тюль распахнутая створка окна.

– Так что конкретно он вам сказал, гражданин Верховников?

Дима оглядывал белизну далекого потолка. Ему казалось, что фиолетовое сияние еще дрожит на гипсовых завитушках верхушек колонн.

– Пассажир отстанет от поезда, – сказал морской офицер. – Ни к чему это, лейтенант. Все же обошлось. Мы сами разберемся. Пусть парень едет.

Лейтенант Шпаликов повернул голову к окну. За высокими шторами угадывалось начинающееся массивное, синее на черном, движение. Милиционер кивнул Верховникову. Дима побежал к выходу.

Верховников вскочил в первый попавшийся вагон. Он долго шел по качающимся коридорам, а перед глазами вставали фиолетовые всполохи и живое серебро кортика. Диме пришлось дотрагиваться рукой до поручня под окнами, чтобы вернуться к реальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.